

«Просвещение» – учителю

В. А. Шестаков

Великая
российская
революция 1917 г.

*Дискуссионные
вопросы*

Пособие для учителей
общеобразовательных
организаций

Москва
«Просвещение»
2015

учимся с «Просвещением»

УДК 372.8:94(470)
ББК 74.266.31
Ш51

16+

*Серия «Учимся с «Просвещением».
«Просвещение» — учителю» основана в 2014 году*

Шестаков В. А.

Ш51 Великая российская революция 1917 г. Дискуссионные вопросы : пособие для учителей общеобразоват. организаций / В. А. Шестаков. — М. : Просвещение, 2015. — 64 с. — (Учимся с «Просвещением». «Просвещение» — учителю). — ISBN 978-5-09-034167-7.

Пособие окажет практическую научную помощь учителям истории в подготовке к урокам в 9 и 11 классах. Автор обращается к одной из самых значимых тем российской истории, связанной с Великой российской революцией 1917 г. В пособии представлено современное научное видение ряда ключевых проблем истории революции 1917 г., рассмотрены аргументы сторон в научных дискуссиях, представлен материал, который можно использовать для противодействия попыткам фальсификации истории.

УДК 372.8:94(470)
ББК 74.266.31

ISBN 978-5-09-034167-7

© Издательство «Просвещение», 2015
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2015
Все права защищены

Содержание

Введение.....	4
Российская империя в начале XX в. Предпосылки революции	13
Роль марксизма в Великой российской революции.....	34
Роль В. И. Ленина в Великой российской революции.....	44
Периодизация Великой российской революции.....	49
Февральский этап Великой российской революции.....	52
Октябрьский этап Великой российской революции	58

Знаменитый английский историк Э. Х. Кэрр не ошибся, когда почти 40 лет назад утверждал, что историки будущего будут ещё долго спорить и резко расходиться в своих оценках российской революции 1917 г., как это было в своё время с Великой французской революцией. Одни будут, пророчествовали он, её прославлять как историческую веху в освобождении человечества от гнёта, другие — проклинать как преступление и катастрофу¹.

Сегодня действительно существует много подчас диаметрально противоположных взглядов на Великую российскую революцию. Одни авторы утверждают, что революция 1917 г. — народная революция, первый открытый вызов капиталистической системе, самое великое событие мировой истории, прорыв в «светлое будущее». С точки зрения другой большой группы исследователей, напротив: Октябрь 1917 г. — это переворот, совершённый кучкой фанатиков-большевиков, нарушивший естественный ход истории, породивший кровавую диктатуру. Между этими крайними точками, как водится, имеется множество промежуточных, компромиссных оценок и мнений².

В советское время о революционных событиях 1917 г. было написано бесчтное количество книг и статей. В научных исследованиях, сборниках документов, мемуарах подробно освещён ход революционных событий во всех частях огромной империи от столичных городов вплоть до уездов и волостей. Сегодня вполне очевидно, что это был односторонний взгляд на революцию. Советская официальная историография не гнушалась и фальсификаций. В соответствии с партийными установками отечественная историография превозносила роль революционного насилия и преуменьшала роль и значимость реформ, влияние их преобразований рассматривалось исключительно как побочный результат революционной борьбы. Многие сюжеты оставались на периферии исследовательского интереса. Так, длительное время в СССР не уделялось должного внимания истории политических партий, участвовавших в революционных событиях, многопартийность понималась и рассматривалась в исследованиях исключительно негативно, а однопартийность, наоборот, всемерно утверждалась и одобрялась. Из истории выпали тысячи имён, происходило замалчивание или откровенное искажение фактов, упрощение реального хода событий.

В годы перестройки в историографии темы обозначились различные, подчас противоположные подходы к трактовке

¹ См.: *Кэрр Э. Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917—1929 / Пер. с англ. Л. А. Черняховской. — М., 1990. — С. 8.*

² См.: *Поляков Ю. А. Октябрь 1917 года: дискуссии продолжаются // Политические партии в российских революциях в начале XX века. — М., 2005. — С. 288.*

революции. Каждое идеологическое направление предлагало своё понимание правды, объективности, полноты отражения событий. На рубеже 1990-х гг. положение в российской исторической науке кардинально меняется: по словам Ю. А. Полякова, «состоялся развод большинства историков России с марксизмом»¹. Сложились условия для многомерного анализа российской революции и понимания нелинейности исторического процесса. Начался усиленный поиск новых подходов. Историческая наука с тех пор многое пересмотрела, прежде всего ушло в прошлое понимание революций как локомотивов истории. Наблюдается многообразие теоретико-методологических подходов, включая цивилизационный, социокультурный, психосоциальный и др. Однако в освещении Великой российской революции (особенно в публицистике) появилось немало легковесных суждений, тенденциозных оценок, просто фальсификаций. Наиболее очевидные примеры — идеализация развития Российской империи на рубеже веков, личности императора Николая II, реформ П. А. Столыпина и др. Одно время в силу сложившихся обстоятельств в историографии темы на первый план вышли работы авторов, в принципе не приемлющих ни революцию, ни революционеров². При этом очевидно, что и традиционно-коммунистический, и противоположный ему «антисоветский» подходы к оценке революции далеки от объективности и нуждаются в серьёзной корректировке.

Следует отметить также, что в последние десять — пятнадцать лет интерес отечественных и зарубежных исследователей России в значительной мере сместился на другие исторические сюжеты. Тем не менее историки, социологи, экономисты вновь и вновь обращаются к теме революции 1917 г.³

И это не случайно. Русская революция 1917 г. стала одним из важнейших поворотных пунктов в истории человечества. Если XIX век прошёл во многом под знаком Великой французской революции 1789 г., то XX век — российской революции 1917 г. Для России эта революция явилась не только моментом истины, но и фактором, определившим развитие отечественной истории вплоть до конца XX в.⁴ Отсюда и стремление

¹ См.: Поляков Ю. А. Октябрь 1917 года: дискуссии продолжаются // Политические партии в российских революциях в начале XX века. — М., 2005. — С. 9.

² См.: Арутюнов А. А. Феномен Владимира Ульянова (Ленина). — М., 1992.

³ См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — 2-е изд. — М., 2010.

⁴ По этому поводу Т. Шанин писал: «В ходе революции представления и действительность сталкиваются и формируют друг друга в фундаментальном процессе познания. Коренной разрыв преемственности времён срывает маски с того, что считается само собой разумеющимся, со здравого смысла и партийной риторики, преподнося жёсткий и объективный политический урок, наиболее драматический из всех таких уроков» (Шанин Т. Революция как момент истины. — М., 1997. — С. 289).

исследователей и публицистов найти в революционных событиях начала века ответы на многие вопросы российской истории.

В целом к настоящему времени Великой российской революции посвящена такая богатая историческая литература, что её разбор мог бы стать темой не одной монографии. Автор настоящего пособия неставил такой цели, так же как в его задачу не входило стремление дать всеобъемлющую картину развития России в канун Великой российской революции 1917 г. Кроме того, нет в пособии и детального освещения всех событий самой революции и Гражданской войны, так как они достаточно подробно освещены в существующей учебной литературе.

В соответствии с новым Историко-культурным стандартом главное внимание в данной работе сосредоточено на ключевых вопросах темы, особенно на тех из них, которые крайне противоречиво освещаются в учебной литературе, но представляют интерес для преподавателей средней школы. Прежде всего это вопросы о причинах и характере революции, о её исторических предпосылках, роли марксистского учения в её осуществлении и т. п.

Стремясь избежать навязывания читателям своих концепционных представлений, автор стремился представить при анализе сюжетов темы разные точки зрения, существующие в современной историографии, различные научные подходы.

Прежде чем приступить непосредственно к анализу вопросов и проблем темы, автор в соответствии с научной традицией хотел бы остановиться на ряде общих вопросов.

В первую очередь это касается самого концепта «революция». Другой принципиальный вопрос связан с толкованием понятия «Великая российская революция». Дело в том, что после «августовской революции» 1991 г. понятие «революция» стало чрезвычайно популярным в среде политологов и публицистов¹. Ныне революционными спешат объявить всякие хоть сколько-нибудь значимые изменения. Причина подобного внимания вполне понятна. Использование понятия «революция» делает любое событие чрезвычайно значимым, этапным, сообщает ему дополнительную энергию. Однако столь активное использование этого концепта в самых разных смысловых окружениях — от Оранжевой революции до революции в косметике — ведёт к его размыванию, следовательно, это понятие перестаёт быть важным инструментом осмыслиения стоящих за ним реалий.

В этой связи целесообразно опереться на накопленный современной наукой теоретический инструментарий изучения революционных процессов, весьма, на наш взгляд, полезный для понимания их глубинных причин и драматических последствий.

Исторический термин «revolutio», как отмечают словари, имел отношение скорее к астрономии и астрологии, нежели к политике: «вращение», «возвращение на исходный путь», «смена

¹ См.: Концепт «революция» в современном политическом дискурсе. — М., 2008. — С. 5.

времён года». Словари позднесоветского времени трактуют понятие «революция» как качественное изменение системы, переход от одного состояния к другому, смену одного порядка качественно иным¹. При этом в толковании понятия имеются важные нюансы. Революция в её социально-политической версии (социальная революция, политическая революция) обычно противопоставляется реформе как способу улучшения системы без изменения качественного состояния последней. Революция как кратковременный процесс, разрыв в «нормальной» последовательности событий («скачок») обычно противопоставляется эволюции как постепенному изменению качества системы. Наконец, возникший в результате революции новый порядок в каком-то (принципиально важном) отношении считается лучше исчезнувшего. В соответствии с этим понятие «революция» предполагает обязательно позитивный характер изменения («развитие»). Из чего следует, по логике авторов, что противодействие революции контрпродуктивно, а любая помощь, наоборот, находится в гармонии с прогрессом.

Показательно, что с момента своего формирования ещё в конце XVIII — начале XIX в. содержание концепта «революция» заметно изменилось. После перенесения его из актуальной политики в научно-философскую сферу он приобрёл черты философского термина, распространяющегося на живую и неживую природу, человеческое общество и сознание². Социальная революция всё чаще толковалась как частный случай «революции вообще», приобретая тем самым свойства безусловного «природного» процесса. В результате к началу XX в. любое «народное движение», приведшее к смене режима, осмысливалось как революция. Споры велись о направлении и характере революции, но не о том, быть ей или нет. С её неизбежностью соглашались все. Не случайно для советской историографии принципиальным вопросом становится вопрос доказательства, что произошедшие в Петрограде 25 октября 1917 г. события были именно революцией.

К настоящему времени в мире существует множество социологических схем, объясняющих революционные события. Первые из них своим происхождением обязаны Великой французской революции, точнее, её эксцессам. Так, один из основоположников консерватизма Эдмунд Бёрк, описывая в своём труде «Размышления о революции во Франции» кровавые эксцессы этой революции, сформулировал присущий данной идеологии взгляд на революционные процессы: революция — общественное зло, она обнажает самые худшие, низменные стороны

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1989. — С. 67; Историко-этимологический словарь современного русского языка. — М., 1999. — С. 104; Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 574.

² См.: Концепт «революция» в современном политическом дискурсе. — М., 2008. — С. 18.

человеческой натуры¹. Что касается причин революций, то консерваторам они в то время виделись прежде всего в появлении и распространении ложных и вредных идей. С совершенно иных позиций оценивал революцию ранний либерализм. В том случае, если власть нарушала условия общественного договора, либеральная доктрина считала революцию оправданной. Исходя из этого, многие представители классического либерализма называли среди основополагающих прав человека и право на восстание. Постепенно в результате осмыслиения крайностей реальных революционных процессов в либерализме стала формироваться более осторожная оценка этого явления².

Ещё до Великой французской революции предпринимались попытки соединить идею коммунизма и социализма с идеей революционного ниспровержения прежней политической власти. В годы Французской революции и после неё количество таких попыток в значительной мере увеличилось. К. Маркс создал одну из первых подобных концепций революции (о ней подробнее в следующем разделе). Он выводил необходимость социалистической революции из процессов отчуждения работника от результатов его труда, обнищания масс и повышения классовой сознательности пролетариата. Усиление не только относительного, но и абсолютного обнищания рабочего класса, обострение противоречия между трудом и капиталом ведёт к неизбежному революционному взрыву, к социалистической революции пролетариата. Французский социолог Алексис де Токвиль в работе «Старый режим и Французская революция» (1856), анализируя, каким образом революция уничтожила аристократический порядок, наоборот, пришёл к выводу, что революционные взрывы могут происходить не обязательно в результате ухудшения ситуации в обществе. Люди, по мнению мыслителя, привыкают к лишениям и терпеливо переносят их, если считают неизбежными.

Среди социологических концепций революции большую известность получила концепция итальянского социолога В. Парето. Согласно его теории политические революции происходят вследствие замедления необходимой для поддержания социального равновесия циркуляции элиты. Если в обществе действуют каналы вертикальной социальной мобильности, то элита постоянно пополняется наиболее достойными представителями основной массы населения. Но если элита оказывается закрытой, т. е. циркуляция не происходит или происходит слишком медленно, это приводит к деградации элиты и её упадку, вследствие чего она утрачивает способность к управлению. Согласно Парето революция выступает как своего рода альтернатива, компенсация и дополнение циркуляции элит.

¹ См.: Ланцов С. А. Политическая история России. — СПб., 2009. — С. 165.

² См.: Концепт «революция» в современном политическом дискурсе. — М., 2008.

Современники Великой российской революции для объяснения её причин применяли три различные социологические схемы, которые со временем получили дальнейшее развитие в обществознании. Первую из них предложил известный мыслитель и революционер А. А. Богданов в своей книге «Тектология», где он говорит о том, что революции (в том числе Февральская) представляют собой кризис организационных форм. Видя в революциях частный случай проявления универсальной тектологической закономерности, интеграции и дезинтеграции социальных систем, учёный представлял революции в обществе как некий «разрыв социальной» границы наподобие физических процессов (кипение воды — разрыв физической границы между жидкостью и атмосферой) или биологических (смерть — разрыв жизненной связи организма). Теория революции А. А. Богданова представляла определённую практическую ценность для исследователей революций, давая возможность анализа распада старых общественных форм, их дезинтеграции, хотя и не объясняла механизма создания новых. Советский экономист и хозяйственник Л. Н. Крицман одним из первых попытался дать политологический анализ механизма революции, который виделся ему в прохождении революции через пять последовательных фаз реализации разрушительных и созидательных функций. После этого «революция, победив и сделав своё дело, умирает»¹. Еретический для марксизма тезис «о смерти революции» основывался на оригинальном, но недоказанном предположении о соотношении революционного класса и диктатуры в ходе революционного переворота. Более конструктивной представляется попытка Крицмана объяснить специфику сложного русского революционного процесса 1917 г. сочетанием в нём революций нескольких типов, которые в других случаях разворачивались бы автономно: антикапиталистической, аграрной, отчасти антиколониальной².

Непосредственно февральским событиям 1917 г. в России обязана своим рождением бихевиористская (психологическая, поведенческая) теория революции известного русско-американского социолога Питирима Сорокина. В книге «Социология революции» он предпринял попытку объективного научного анализа феномена революции, далёкого от односторонности идеологизированного подхода, будь то консервативный или марксистский. Считая, что человеческое поведение определяется врождёнными, «базовыми» инстинктами, П. Сорокин на основе анализа поведения людей в революционные периоды пришёл к выводу, что всеобщее подавление базовых инстинктов, или, как писал учёный, «репрессирование» большого их числа, неизбежно приводит к революционному взрыву. Непосредственной причиной революции, по его мнению, становится ответ большей части

¹ См.: Крицман Л. Героический период великой русской революции. — М., 1925. — С. 34—35.

² Там же.

населения на «невозможность обеспечения необходимого минимума удовлетворения этих инстинктов»¹. События Февральской революции 1917 г. в России П. Сорокин интерпретирует именно как спонтанную реакцию масс на предшествующие лишения и угнетения. Необходимым условием взрыва является и то обстоятельство, что эти «репрессии» распространяются на весьма большую или даже подавляющую часть населения. Так же как и его политический оппонент В. И. Ленин, П. Сорокин считал недостаточным для революции одного лишь «кризиса низов». Вслед за В. Парето он видел одну из важнейших причин революционных кризисов в вырождении прежней правящей элиты. Описывая атмосферу различных предреволюционных эпох, П. Сорокин отмечал присущее им бессилие господствующих элит, неспособных выполнять элементарные функции власти, а тем более оказывать силовое противодействие революции. Широкому распространению теории революции П. Сорокина способствовало то обстоятельство, что она удовлетворительно объясняла механизм зарождения революций: революция, порождённая «репрессированием» основных базовых инстинктов, не устраивает этого «репрессирования», а ещё более усиливает его. Однако концепция П. Сорокина не объясняла, почему при стихийном развитии событий в революции существует повторяемость форм и результатов. Кроме того, она не позволяла провести чёткую границу между революцией и простым бунтом, восстанием, смутой, которая, по мнению А. Н. Медушевского, не определяется субъективной оценкой того или иного историка, но устанавливается объективной длительностью событий, количеством втянутых в революцию лиц и социальными пружинами, лежащими в корне событий².

Не отрицая того факта, что революции приводят к осуществлению уже назревших перемен, П. Сорокин считал их худшим способом улучшения материальных и духовных условий жизни народных масс. Более того, очень часто революции заканчиваются вовсе не так, как обещают их вожди и надеются увлечённые их целями люди.

Сегодня наиболее распространённое определение революции принадлежит С. Хантингтону, который считал её быстрым, фундаментальным и насилиственным изменением доминирующих ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры, лидерства, правительственноей деятельности и политики³. Как нетрудно заметить, оно, как и другие классические или современные определения, имеет свои плюсы и минусы. Как и ряд других, оно однобоко и неинструментально, предлагаемые им критерии: быстрота, насилиственный характер действий — по существу необязательны для реальных революций. В связи с этим следует констатировать, что

¹ См.: Сорокин П. Социология революции. — М., 2004.

² См.: Отечественная история. — 2007. — № 2. — С. 4—5.

³ См.: Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / Пер с англ. — М., 1964. — С. 264.

общепринятого в науке понятия, концепции революции до сих пор нет. Как правило, каждое из них отражает лишь отдельные элементы и стороны сложного социально-политического явления, каким является любой революционный процесс. Поэтому поиски универсальной концепции, теории революции продолжаются, так как на практике анализ любого революционного процесса ставит перед исследователями массу самых различных вопросов: что такое революция — «локомотив истории» или катастрофа, нарушившая эволюционный путь развития? Сколько событий мировой истории в действительности можно считать революциями — сотни или единицы?

В исследованиях, посвящённых Великой российской революции, к разряду «вечных» следует отнести следующие вопросы: почему она произошла именно в феврале 1917 г.? Была ли война её главным «режиссёром»? Какой характер (буржуазный, буржуазно-демократический или социалистический) она носила? Была ли она исторически неизбежна? И т. п. В отечественной исторической науке пик поиска всеобъемлющей концепции, способной обеспечить методологический прорыв в рассматриваемой проблеме, пришёлся на середину 1990-х гг.¹ В ходе дискуссии её участники посчитали, что термин «революция» слишком лаконичен и определяет лишь итог процесса (переход власти). Было предложено несколько подходов, целью которых стало преодоление противоречий между различными трактовками революции как процесса (разрушение прежних социальных отношений и прежней системы власти), революции как отдельного события, феномена (собственно политический переворот) и революции как особого периода в истории страны. Следует признать, что желанного прорыва не произошло. Наряду с неопределённо-расплывчатыми понятиями (например, революция — это конкретное историческое событие «резкого изменения с положительным итогом») во время дискуссии выдвигались и другие столь же «убедительные» предложения, якобы способные, по мнению авторов, отразить всю глубину проблемы. Одно из предложений представляло, к примеру, Великую российскую революцию как многоуровневое революционное развитие, «когда каждый класс делает свою революцию». Предлагались также трактовки революции 1917 г. и как потока революций и даже «пучка революций», приведших в конечном итоге к победе восстания в Петрограде и имевших продолжение в марте—октябре 1917 г. Небезупречны и предложенные в то время представления о «революции как смене парадигмы, как решительном разрыве с традицией и готовности к насилиственным методам политической борьбы»². Также не нашла всеобщего одобрения и более поздняя попытка отечественных экономистов В. А. Мая и И. В. Стародубровской рассматривать

¹ См.: Анатомия революции. 1917 г. в России: массы, партии, власть. — СПб., 1994. — С. 51—52, 56—66 и др.

² Россия в XX веке. Реформы и революции: В 2 т. — Т. 1. — М., 2002. — С. 246.

революции как устранение «встроенных ограничителей, препятствующих адаптации, которые не удается устранить эволюционным путём»¹. Их оппоненты резонно замечали, что понять, какие ограничители не могут быть устранены эволюционным путём, можно лишь после того, как они уже будут устранены через революцию.

Таким образом, специалисты пока не могут договориться не только об определении понятия «революция», но даже и о том, можно ли её считать самостоятельным объектом анализа, поскольку события, однозначно трактуемые как революционные, достаточно немногочисленны². Ещё раз следует подчеркнуть, что поиск наиболее адекватных определений революционных процессов не носит чисто академический характер. Вопрос заключается даже не в том, чтобы наиболее чётко определиться с особенностями той или иной революции, её типологией и т. п. Любое явление, как известно, можно рассматривать под разными углами зрения. Практическое существование вопроса состоит в том, что рассмотрение некоторых исторических событий в логике эволюционного развития (например, событий осени 1991 г. в России) делает непонятными, противоречащими здравому смыслу многие решения политиков. Однако эти же решения находят вполне адекватное объяснение, если их рассматривать в логике революционного процесса. Очевидно, что под этим углом зрения вопрос совокупности критерииев революции принципиально важен. Государственный переворот, состоящий в простой смене одной группы лидеров другой без какого-либо изменения политических институтов и системы власти, вообще не может считаться революцией в строгом социологическом смысле. Если рассматривать феномен революции как разновидность насилиственных действий и объединить её по этому признаку с такими явлениями, как крестьянские и городские восстания, путчи и пр., то насилие является принципиально важным её условием. Но в этом случае такой критерий, как глубина социальных изменений, не играет ключевой роли³. Насилие и социальные изменения могут оказаться взаимоисключающими явлениями. Но в системе координат, в которой главное именно радикальная трансформация общественных отношений (реформы, революции сверху и т. д.), насилие вообще не существенный элемент. По чисто утилитарным соображениям можно говорить применительно к классическим «великим революциям» о наличии нескольких обязательных критериев, факторов. На наш взгляд, главный из них вовсе не насилие, точнее, не масштаб его, а нелегитимность процесса, выход его за пределы существующего правового поля. Всякая социальная революция в отличие от эволюции означает на практике не только отказ от постепенности, но прежде всего конфликт

¹ Стародубровская И. В., Май В. А. Великие революции: от Кромвеля до Путина. — М., 2002. — С. 27.

² Там же.

³ См.: Там же. — С. 361—365.

легитимности. В то же время масштабное насилие представляет собой не критериальный признак, а лишь черту, присущую некоторым революциям. Собирая воедино главные критерии, присущие всем классическим революциям, мы можем определить революцию как нелегитимное изменение вектора социально-экономического и политического развития общества путём захвата государственной власти, совершающего лидерами массового движения. В новом Историко-культурном стандарте события 1917 г. трактуются как одна «Великая российская революция». И это вполне справедливо: с точки зрения единства и непрерывности политического процесса Февраль и Октябрь, несомненно, представляют собой одну революцию. Никому же не приходит в голову, говоря о Великой французской революции, выделять как отдельные революции события 1789, 1792 и 1793 гг. Искусственное разделение единого процесса связано прежде всего с пропагандистским мифом о том, что Февраль носил буржуазный, а Октябрь — уже социалистический характер. Так представляло дело большевистское руководство страны, отождествляя социализм с властью своей партии. Концепция двух разных революций: буржуазно-демократической Февральской и социалистической Октябрьской — сформировалась в начале 1920-х гг. Окончательно, однако, она сложилась в сталинские времена и оставалась официальной вплоть до окончания советской эпохи.

• • • *Российская империя в начале XX в. Предпосылки революции*

Вопрос, почему в 1917 г. рухнули многовековые российская монархия и империя, волнует исследователей с первых послереволюционных лет. Была ли она изначально порочной и Николай II был обречён? Была ли неизбежна революция? Почему Россия, заметно отстававшая в своём развитии от наиболее развитых капиталистических держав, тем не менее первой вступила на неизведанный путь строительства нового общества? Не совершили ли большевики насилие над историей, свернув с магистрального пути развития мировой цивилизации? Можно ли вообще говорить об исторической предопределенности и неизбежности революционного слома? Был ли возможен в 1917 г. другой, нереволюционный выход из кризиса?

В советское время проблема предпосылок революции занимала весьма существенное место¹. В соответствии с марксистской доктриной советские историки вслед за Лениным утверждали, что мировая капиталистическая система в целом созрела для социалистической революции, что империализм — канун социалистической революции. В стремлении доказать историческую закономерность и неизбежность социалистической

¹ См.: Минц И. И. История Великого Октября: в 3 т. — М., 1967—1973.

революции в России и установления диктатуры пролетариата советские историки находили несоответствие «базиса» и «надстройки» даже в отдельных уездах Российской империи. Этот подход был изначально ложным: во-первых, концепция предпосылок навязывала вывод о закономерности революции, её социалистической природе (после Октября), ведущей роли «самого прогрессивного» рабочего класса. Во-вторых, и после Октябрьской революции страна продолжала жить в рамках прежней хозяйственно-управленческой структуры, так и не совершив прорыва в будущее. После краха СССР проблема объективной обусловленности революции была автоматически снята с повестки дня. И тогда в ответах на эти вопросы, по мнению известного историка революции В. П. Булдакова, на первый план выдвинулись «субъективные факторы, в изобилии представленные всевозможными конспирологическими домыслами»¹.

Существенный шаг вперёд в этом вопросе отечественные историки смогли сделать лишь на рубеже нулевых годов. Поскольку выявить явную зависимость масштаба и глубины революции от так называемых объективных и субъективных предпосылок так и не удалось, В. П. Дмитренко, признав, что все предыдущие попытки найти неоспоримые предпосылки революции оказались безуспешными, предложил новый взгляд на эту проблему². В качестве выхода из историографического тупика он первым обратил внимание на характер противоречий, дестабилизирующих российское общество со времени первой русской революции.

Действительно, уже революция 1905—1907 гг. обнажила целую группу остройших противоречий, взрывавших российское общество, сталкивавших в непримиримой борьбе различные слои и группы населения. Последующий период «замирения» и особенно участия страны в Первой мировой войне добавил сюда новую весомую порцию противоречий.

«Верхний» ряд противоречий согласно предложенному Дмитренко подходу составляли те, которые были вызваны необходимостью преодолеть ставшее опасным отставание страны от передовых индустриально развитых стран (в области технологии, науки, производительности труда, квалификации кадров и общей культуры населения, вооружения армии, уровня потребления). Они обусловливали необходимость совершения России очередного исторического скачка, наподобие тех, которые она вынуждена была осуществить в XVI и XVIII вв., на этапах догоняющего развития. Эти противоречия носили общечивилизационный характер и затрагивали совокупные интересы общества, в особенности тех социальных групп и слоёв, которые были объективно заинтересованы в сохранении и укреплении

¹ См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 2010. — С. 15.

² См.: История России с древнейших времён до конца XX века: в 3 т. — Т. 3. — М., 2001. — С. 146—151.

России как великого государства, поддержании её единства и достоинства.

На втором «этаже» противоречий располагались те из них, которые отражали степень разрыва между архаичным самодержавным строем империи и интересами отдельных слоёв населения. Так, остройшими были противоречия между крестьянами и помещиками, наёмными рабочими и предпринимателями, между городом и деревней, центром и окраинами, между разными религиозными конфессиями, между русскими и представителями других народов, между самими окраинными народами, между казаками и примыкавшими к ним группами населения. Но центральным был всё ярче проявлявшийся разрыв между самодержавной формой правления и интересами прогрессивных слоёв населения. Весь этот богатейший спектр конфликтующих интересов представляли разнообразные партии и общественные организации — от монархических, черносотенных до либерально-демократических, леворадикальных, экстремистских. Среди них были широко представлены и национальные организации. Чем решительнее накануне и в годы войны Россия поворачивала в сторону передовых форм хозяйства, чем больше появлялось носителей прогрессивных идей и отношений, тем острее становилось их противостояние отсталости в области ведения хозяйства, управления общественными делами, отношений с внешним миром.

Третья группа противоречий — конъюнктурных, временных — была порождена уже тяготами и бедами мировой войны. Усиливающаяся экономическая разруха, угроза голода, усталость от войны, озверение, миллионные людские потери, разочарование в целях войны рождали протест в самых различных слоях. Социальная база самодержавия сужалась. Последняя группа противоречий, хотя и ограниченная узкими хронологическими рамками войны, вполне могла сыграть роль своеобразного детонатора. Масштаб всех этих назревших и отчасти перезревших проблем был неодинаков, цели и идеалы борьбы виделись различными, методы и средства их достижения применялись подчас противоположные. В целом же букет противоречий вызывал активность самых разнородных слоёв населения, рождая в совокупности огромную приливную волну социального нетерпения. Возникла настоятельная потребность смены модели общественного развития — от самодостаточности и замкнутости к открытому обществу, от противостояния различных социальных сил к поиску гражданского согласия вокруг первоочередных общегосударственных, общенациональных интересов.

Важно подчеркнуть: при таком взгляде на предпосылки революции проблема возможных альтернатив развития страны не снималась, но теперь они виделись лишь в тех общественных силах, которые реально претендовали на роль мотора общественного прогресса.

Новый подход позволил отечественным историкам, во-первых, рассматривать весь XX век как очередной целостный

(хотя и незаконченный) этап, в рамках которого решались задачи цивилизационного рывка; во-вторых, перейти от описания революции как крупнейшего исторического феномена к её анализу как своеобразного исторического процесса, имеющего свой сложный, многоступенчатый « заводной механизм », противоречивую динамику, соответствующую стадиальность и не-предсказуемость (во многом обусловленную стихией) конечных результатов.

Эта схема, не связывая жёстко дореволюционный и революционный периоды, оставляла значительное поле для проявления случайного, стихийного, субъективного, позволяла оценить ту степень дезинтеграции общества, при которой могла совершившись революция.

На этом поиск истины не завершился. И сегодня далеко не все вопросы социально-экономического и политического развития России в предреволюционные годы получили однозначную оценку. Часть историков продолжает считать, что Россия на рубеже XIX—XX вв. представляла собой отсталую страну, основу экономики которой составляло полукрепостное сельское хозяйство¹. Другая часть, впадая в противоположную крайность, акцентирует внимание на «прогрессивных модернизационных достижениях» царизма, хотя ещё в 1970-е гг. эта точка зрения была подвергнута серьёзной критике Алексом Ноувом².

В последние годы историки, рассматривая особенности развития России этого периода, предпочитают говорить не о предпосылках и причинах революции, а о системно-исторических условиях её вызревания.

В этой связи новый Историко-культурный стандарт предполагает проведение в рамках модернизационных процессов анализа всей совокупности предпосылок и условий возникновения революционной ситуации в России на пороге XX в.

Общеизвестно, что к началу XX в. развитие мировой цивилизации резко ускорилось. К этому времени наиболее развитые страны Европы заканчивают начатый тремя столетиями раньше переход от традиционного, аграрного в своей основе, к индустриальному обществу, важнейшими составляющими которого являлись рыночная экономика, правовое государство и многопартийность³.

Важнейшие черты капиталистического развития (которое в науке имеет и другое название — современный экономический рост), начавшегося в первые десятилетия XIX в. в наиболее развитых странах Европы и Америки, — появление новых технологий, использование достижений науки, обеспечивавших устойчивый долговременный характер экономического роста.

¹ См.: История России XIX — начала XX века / Под ред. В. А. Фёдорова. — М., 1998.

² См.: Nove A. An Economic History of the USSR. Penguin, 1972.

³ См.: От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. — М., 1998. — С. 4—5.

Так, в период между 1820 и 1913 гг. средние темпы роста производительности труда в ведущих европейских странах были в 7 раз выше, чем в предшествующем столетии. За этот же период валовый внутренний продукт (ВВП) в них увеличился более чем втрое, а доля занятых в сельском хозяйстве сократилась на 2/3. Благодаря этому скачку к началу XX в. экономическое развитие приобретает новые отличительные черты и новую динамику. Объём мировой торговли вырос в 30 раз, начала формироваться глобальная экономика и глобальная финансовая система.

Достижения науки и техники в корне меняют облик передовых стран Европы и Северной Америки и качество жизни миллионов жителей. Благодаря непрерывному росту производства на душу населения эти страны достигли высокого уровня благосостояния. Под действием демократических импульсов в этих странах появляются контуры гражданского общества, которое наконец-то получит общественный простор в последующем XX в.

Современная историография располагает исследованиями, позволяющими понять закономерности модернизации стран, запоздавших в своём развитии¹.

При всех своих различиях страны первого эшелона модернизации имели много общих черт, которые отличали их от стран, ещё не осуществивших переход к индустриальному обществу. Для первого эшелона было характерно органичное, самопроизвольное зарождение буржуазных отношений. Этот процесс занял несколько веков (с XIV по XIX в.). Ему, по мнению В. Г. Хороса, была свойственна постепенность и относительная синхронность созревания основных формационных предпосылок капитализма — экономических, социальных, правовых, политических и культурных. Сложный механизм капиталистического производства и обмена зарождается и постепенно прогрессирует через раннее разложение феодальных отношений, технологический прогресс, развитие мануфактуры на основе цеховой организации, распространение торговых бирж и акционерных компаний. Короче говоря, постепенно. Параллельно этому происходит рост «третьего сословия» и армии наёмной рабочей силы². Немаловажно, что капитализм в Европе находит форму наёмного труда уже готовой, созданной предшествующим развитием.

Правовые предпосылки становления буржуазной формации в первом эшелоне складываются на основе освоения римского права и его краеугольного принципа — частной собственности. Поэтому переход к капитализму на Западе означал, по мнению Маркса, лишь превращение одной формы частной собственности

¹ См.: Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. — М., 2005; Хорос В. Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты) // МЭиМО. — 1991. — № 8 и др.

² Хорос В. Указ. соч. — С. 71.

в другую¹. Довольно рано, ещё в XVII в., складываются принципы верховенства закона и неотчуждаемости прав личности, а институт суда присяжных вообще уходит корнями в Средневековье. В течение пяти столетий на Западе складываются политические предпосылки модернизации. С XIII в. идёт борьба короля с парламентом, два-три века уходит на утверждение принципа разделения властей, свободы печати, складывание буржуазных политических партий. Сильнейшими толчками для этого процесса явились буржуазные революции XVI—XVIII вв.

Для становления буржуазной формации критически важными были культурные предпосылки — высокий уровень грамотности в Европе уже с XII—XIII вв. Значительную роль в этом процессе сыграли университеты и книгопечатание. Но эксперты в этом вопросе особую роль отводят процессу автономизации личности, который начинается уже в эпоху Возрождения, а на массовом уровне — в годы Реформации. В этот период в противовес «торгашескому феодализму» ростовщика, средневекового банкира или конкистадора вырабатывается «протестантская этика» предпринимателя. Наиболее адекватной капитализму становится лютеровская идея «честной наживы».

Согласно этой точке зрения наблюдается такая последовательность взаимодействия формационных факторов: накапливание экономических и социальных предпосылок — отчасти связанный с ними громадный культурный сдвиг (XVI—XVII вв.) — на его основе происходят политические революции (XVII—XVIII вв.), что, в свою очередь, является мощным стимулом для аграрной и индустриальной революций (XVIII—XIX вв.).

Главное — буржуазное развитие на Западе вырастает из добуржуазной культурной традиции. Безусловно, в этом процессе действуют и другие сопутствующие факторы, например колониальный грабёж. Но, по мнению В. Хороса, это отнюдь не главная причина становления капитализма в странах первого эшелона, ибо эффективное извлечение средств из колоний было возможно лишь при уже высоком уровне развития центра по сравнению с периферией.

В итоге под воздействием всех вышеназванных факторов в экономике индустриального общества стран классического капитализма происходит резкое сокращение доли сельского хозяйства при росте его эффективности (и это главное их отличие от стран второго эшелона буржуазного развития), что давало реальную возможность прокормить несельскохозяйственное население. К началу XX в. значительная часть населения индустриальных стран была уже занята в промышленности. Благодаря развитию в них крупномасштабного производства население концентрируется в больших городах, происходит урбанизация. Использование машин и новых источников энергии

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 49 т. — Т. 23. — М., 1955—1974. — С. 771.

даёт возможность создавать новые товары, которые непрерывным потоком поступают на рынок. С этим связано ещё одно отличие индустриального общества от традиционного: появление большого числа людей, занятых в сфере услуг.

Не менее важно и то, что в индустриальных обществах социально-политическое устройство основывается на равенстве всех граждан перед законом. Сложность обществ этого типа делает необходимой всеобщую грамотность населения, развитие средств информации.

Россия вступила на путь современного индустриального роста на два поколения позже, чем Франция и Германия, на поколение позже, чем Италия, и примерно одновременно с Японией. Процесс индустриализации в России начался в период правления Петра I, когда власть на практике ощутила, что европейцы ушли вперёд в промышленности, военном деле, управлении государством. Однако утверждение зачатков капитализма в стране шло на иной основе, не на капитале и конкуренции, а на монополии и ужесточении эксплуатации крестьян. Феодальные институты тормозили развитие свободных рыночных отношений и рост производства, делали страну неконкурентоспособной в новых исторических условиях. Некоторые влиятельные политические деятели Запада видели в России «угрозу цивилизации» и готовы были всеми средствами способствовать ослаблению её мощи и влияния.

Поражение в Крымской войне вполне наглядно показало миру серьёзное отставание Российской империи от наиболее развитых европейских стран. Отставание России было обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. Огромная Российская империя к середине XIX в. оставалась сельскохозяйственной страной. Подавляющая часть населения (свыше 85%) проживала в сельской местности и была занята в сельском хозяйстве. Огромная территория государства, многонациональный, многоконфессиональный состав населения порождали проблемы эффективной управляемости, с которыми практически не сталкивались государства Западной Европы. На протяжении XIX в. территория России расширилась примерно на 40%, в состав империи вошли Кавказ, Средняя Азия и Финляндия (правда, в 1867 г. России пришлось продать США Аляску). Только европейская территория России почти в 5 раз превосходила территорию Франции и более чем в 10 раз — Германии. По количеству населения Россия находилась на одном из первых мест в Европе.

В её новых границах в 1858 г. проживало 74 млн чел. К 1897 г., когда прошла первая всероссийская перепись, численность населения выросла до 125,7 млн чел. (без Финляндии). Освоение колонизируемых земель требовало больших усилий и средств. Суровый климат и разнообразие природной среды также отрицательно сказывались на темпах обновления страны.

Не последнюю роль в отставании России от европейских стран сыграл более поздний переход к свободному землевладению

крестьян. Крепостничество в России существовало значительно дольше, чем в других странах Европы. Из-за господства крепостного права большая часть промышленности в России развивалась на основе использования принудительного труда крепостных крестьян на крупных мануфактурах. В первой половине XIX в. признаки индустриализации становятся более заметными: количество промышленных рабочих возрастает со 100 тыс. в начале века до более 590 тыс. чел. накануне освобождения крестьян. Общая неэффективность хозяйствования, и в первую очередь понимание императором Александром II того, что военная мощь страны напрямую зависит от развития экономики, заставили власть наконец отменить крепостное право. Его отмена в России произошла примерно спустя полвека после того, как это сделали большинство европейских стран.

ХХ век бросил новый вызов России, ставя вопрос о будущности страны, её территориальной целостности, роли в Евразийском регионе и во всём мире. Поражение в Русско-японской войне, территориальные потери (на Дальнем Востоке), закрепление роли России на мировом рынке лишь как экспортёра сырья и продовольствия, растущая экономическая зависимость от развитых стран, обострение соперничества с рядом государств в прилегающих к России районах — всё это свидетельствовало об опасных тенденциях, совокупность которых не могла не затрагивать интересы народа России и всех его социальных слоёв.

Ветер перемен приносил с Запада передовые формы организации производства (тресты, картели, синдикаты), новейшую технику (самолёты, автомобили, врубовые машины, автоматическое оружие), формы политического устройства (парламентскую республику, многопартийность), идеи и концепции общественного развития (демократию, социализм). Этот импульс успешного буржуазного развития, идущий извне, требует от России существенно повысить роль государства как двигателя и гаранта развития.

Итак, перед российскими властями и обществом встают задачи индустриализации страны, изменения места и роли аграрного сектора (в том числе и как средства мобилизации финансовых, материальных и людских ресурсов), проведения культурной революции (которую уже завершили страны Запада, воспитав необходимые кадры учёных, специалистов, рабочих, включённых в процесс индустриализации и урбанизации), демократизации всех сторон общественной жизни, создания правового государства, расширения прав и свобод личности, решения национального вопроса. По-настоящему индустриализация в России началась только в 1880-е гг. Именно потребности индустриализации в конце XIX в. стали доминировать при формировании концепции экономической политики власти.

Все эти вопросы Россия как страна второго эшелона модернизации в силу слабости внутренних формационных предпосылок и незрелости национальной буржуазии вынуждена была решать в иной последовательности, чем страны органического типа капитализма. Во-первых, модернизация начинается

с крупной промышленности, развития железных дорог, фактически минуя мануфактурный период. Во-вторых, и это самое главное для понимания последующего развития событий в стране, у России нет времени на классическое первоначальное накопление капитала. Нужно предельно сжать процесс модернизации, втиснуть его в несколько ближайших десятилетий, поскольку страны первого эшелона модернизации выступают не только в качестве примера успешного развития, источника передовых технологий, но и внешней угрозы. Дальнейшее отставание от европейских стран могло поставить страну, как настойчиво подчёркивал Витте, в «унизительное положение экономической данницы» более развитых государств. Следовательно, требуется форсированное выкачивание средств из сельского хозяйства, из всего общества путём повышения налогов, усиления интенсивности труда. Этот путь чреват ростом социальной напряжённости.

Как показывал исторический опыт, чтобы воспользоваться так называемыми преимуществами отсталости — возможностью заимствовать передовые технологии, извлекать выгоду из создания сразу передовой крупной промышленности — нужны политическая воля и общественный консенсус. Но на практике буржуазная модернизация России сопровождалась растущими социальными контрастами, которые проис текали прежде всего из сохранения многих исторически отживших крепостнических институтов, а также незрелости правовых и политических предпосылок буржуазной формации. Так, отсутствие юридически зафиксированного института частной собственности, а также сохранявшаяся правовая необеспеченность личности были серьёзными препятствиями для развития национального капитализма. Кроме того, российское самодержавие по сравнению с другими странами второго эшелона капитализма не было готово принять даже ограниченные конституционные начала. Буржуазные конституции, к примеру, были приняты Грецией в 1844 г., Сербией в 1869 г., Японией в 1890 г. В России политические предпосылки буржуазной формации были созданы лишь в феврале 1917 г., в ситуации, когда, по существу, было уже поздно.

Одна из сложнейших и актуальнейших задач российской модернизации — укоренение новых общественных реалий в духовной жизни, менталитете, религии. На российской почве все они давали быстрые и обильные всходы, способствуя повороту страны в сторону общественного прогресса. Но вместе с тем начавшийся цивилизационный скачок углублял пропасть между самыми передовыми и самыми отсталыми, традиционными институтами и отношениями. К началу XX в. в России всё отчётилось вырисовывались точки вероятного противостояния между общиной и фермерством, унитарностью и федерализмом, монополией и полурабочим-полукрестьянином, высокомеханизированной регулярной армией и казачеством.

На рубеже веков в России как результат конфликтной, исторически недостаточно подготовленной модернизации нарастает

социально-культурный разрыв в обществе, растёт маргинальный люмпенский слой «боярства», раскрестьянивающегося крестьянства, «междусословных» элементов. Лишь в первое десятилетие XX в. в Москву прибыло 700 тыс. чел., а Петербург пополнился 1 млн выходцев из деревни. Аналогичные явления имели место и в других городах России. Так формировалась армия нищих, обозлённых людей, рвущихся к новой жизни. Этот слой был малоспособен к конструктивной, преобразующей деятельности, но в условиях растущих тягот войны именно эти люди превращались в потенциальную опору будущей революции с её уравнительными лозунгами и экстремистскими принципами, согласно которым именно они, эти обездоленные люди, и являются белой костью общественного прогресса.

Революции, как известно, совершаются не только потому, что людям становится хуже жить, а совсем напротив — потому, что в условиях общего социально-экономического прогресса они претендуют на более существенное улучшение своей жизни, которое обещают им революционные пропагандисты. Впоследствии этот слой людей, расширившись в условиях революционной смуты и Гражданской войны, станет основной социальной опорой сталинизма.

Само собой, подобный подход не снимает прежние вопросы об уровне социально-экономического развития страны на пороге XX в., но переносит их в иную плоскость, включает их в более широкий контекст особенностей и характера российской модернизации.

Сегодня, как уже отмечалось выше, дореволюционная Россия многим исследователям и публицистам видится неким процветающим государством, на всех парах устремлённым в будущее. В научной литературе заметно стремление подтянуть Россию по уровню и типу развития к передовым западноевропейским странам, при этом далеко не всегда учитывается её историческая специфика.

Для понимания того пути развития, по которому пошла Россия после 1917 г., известный экономист Е. Т. Гайдар проанализировал социально-экономические показатели группы стран второго эшелона модернизации, включая Китай, Югославию и Вьетнам, и установил, что социалистический эксперимент в них начинался при уровне ВВП на душу населения, характерном для ранних этапов индустриализации¹. Иными словами, речь идёт о странах, ещё не вступивших в период индустриальной зрелости, проходящих период масштабного перераспределения трудовых ресурсов из сельского хозяйства в промышленность. Не менее важно, что все состоявшиеся и несостоявшиеся попытки социалистических экспериментов имели место в период 1870—1970-х гг., т. е. когда в мире господствовали

¹ См.: Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. — М., 2005. — С. 287—292.

представления о благотворности расширения участия государства в управлении экономикой. Необходимыми предпосылками антикапиталистических революций явилось сочетание характерных для раннего этапа индустриализации острых социальных проблем и конфликтов, веры значительной части элиты в то, что их можно решить, всего лишь демонтируя сложившиеся капиталистические структуры, национализировав собственность, заменив рыночные механизмы прямым государственным управлением экономикой. Характерно, что в Португалии, стране, не соответствующей вышенназванным критериям, марксисты, несмотря на дезорганизацию, связанную с крахом авторитарного режима, так и не смогли взять власть, потому что время подобных экспериментов уже прошло.

Из исследования Гайдара следует ещё один важный вывод: в большинстве случаев именно война, мобилизация и вооружение огромной массы населения прокладывают путь антикапиталистическим силам. Подобное сочетание социальных проблем раннеиндустриального периода, наличие в элитах убеждённости в благотворности доминирования государства в управлении экономикой имело место и в России в первые десятилетия XX в.

Чтобы понять зависимость срыва эволюционного процесса модернизации и социалистического выбора России от исторической конкретики, соотношения политических сил и даже случайностей политической борьбы, есть необходимость посмотреть непредвзято на всю совокупность социально-экономических и демографических показателей развития России в предреволюционные годы. Именно этого требует новый Историко-культурный стандарт.

О том, как особенности исторического пути России сопрягаются с реалиями российской жизни, как влияют на них, лучше всего говорит географический и демографический облик страны. Именно географическая среда, климат страны в сильнейшей степени влияли на её социально-экономическое и политическое развитие, на весь её цивилизационный путь не только на ранних этапах истории России, но и в XIX и XX вв.

К концу XIX в. завершился процесс формирования территории Российской империи и было достигнуто geopolитическое равновесие её границ. Россия, закончив своё территориальное расширение, стала самым крупным из существовавших в то время государств мира. Территория Российской империи простиралась на два материка — Европу и Азию, с севера на юг от Северного Ледовитого океана до Чёрного моря (4676 км), с запада на восток от Балтийского моря до Тихого океана (10732 км), площадь её равнялась 22,4 млн кв. км, что составляло 1/6 поверхности всей суши Земли. Но хотя страна занимала большую часть европейского континента, две трети её находились в Азии¹.

¹ См.: Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995. — С. 11—17.

К 1914 г. на территории Российской империи имелась 81 губерния и 20 областей. Часть губерний и областей были объединены в генерал-губернаторства (Варшавское, Иркутское, Киевское, Московское, Приамурское, Степное, Туркестанское и Финляндское).

По данным переписи населения 1897 г., население Российской империи составляло 128,2 млн чел., в том числе население Европейской России — 93,4 млн (примерно 82%), царства Польского — 9,5 млн, Великого княжества Финляндского — 2,6 млн, Кавказского края — 9,3 млн, Сибири — 5,8 млн, Средней Азии — 7,7 млн чел. Это означало, что если географически страна тяготела к Азии, то по размещению населения — к Европе. Здесь кроется одно из важных противоречий состояния страны в канун революции. Азиатские просторы ещё предстояло осваивать, включать их население в общецивилизационный поток, что было чревато большими социально-экономическими и культурными издержками.

За период с 1897 по 1914 г. население империи значительно выросло. По разным данным, в 1914 г. население империи (без Финляндии) составляло от 166 млн чел. до 175 млн чел.

Россию от европейских стран отличала низкая плотность населения (в среднем по стране 7 чел. на 1 кв. версту) и преимущественно крестьянский состав населения (к 1914 г. 85% населения проживало в сельской местности). Даже в европейской части страны средняя плотность населения (23 жителя на 1 кв. версту) была в 3 раза ниже, чем во Франции, и в 8 раз ниже, чем в Англии. Подобная плотность населения — важное свидетельство преобладания в российской экономике экспансивных форм развития хозяйства. Начавшийся в начале века исход крестьянского населения в города в поисках заработка увеличил к 1914 г. численность городского населения почти на 10 млн чел., породив при этом конфликтную социальную проблему адаптации мигрантов из деревни к городским условиям жизни и работе на фабрике. С другой стороны, преимущественный рост в это время поселений негородского типа, особенно на востоке страны, говорил о низкой потребности промышленных центров страны в развитом рынке наёмного труда.

Демографическая ситуация в империи была вполне благоприятна, хотя средний ежегодный прирост населения несколько сокращался (в 1897—1901 гг. он составлял 1,7%, в 1902—1906 гг. — 1,68%, в 1907—1911 гг. — 1,65%), что, впрочем, характерно для всех урбанизирующихся стран и является свидетельством повышения жизненного уровня населения.

В связи с быстрым ростом городов удельная доля горожан заметно увеличивалась, составив, однако, к кануну войны всего около 15% населения. Тем самым по соотношению городских и сельских жителей к началу XX в. Россия сильно уступала Великобритании, где горожане составляли 78% населения, Германии (56,1%) и США (41,5%). Фактически огромная крестьянская масса составляла самую значительную долю населения страны, влияя на все сферы жизни.

Другой важной чертой демографических перемен, имевших место в стране на рубеже веков, было абсолютное преобладание в численности населения молодого поколения. Это было связано с тем, что Россия стояла на одном из первых мест в мире по уровню рождаемости. Другая причина — высокая по сравнению с развитыми странами смертность среди жителей старших возрастов. В результате лица в возрасте от 14 до 30 лет составляли 32% населения, а старше 60 — всего 7%. В целом примерно половина населения (48,4%) была моложе 20 лет. И по этому показателю Россия опережала почти все страны Европы. Преобладание в составе населения страны людей неработоспособного возраста негативно сказывалось на экономике, хотя и создавало определённые предпосылки для её будущего развития. Одновременно это и важнейший фактор социальной нестабильности. Недостаток жизненного опыта молодёжи, её склонность к спонтанному поведению наряду с более высоким уровнем грамотности и культуры относительно людей старших возрастов, более развитое чувство социальной справедливости делали её объектом манипуляций различных политических сил.

В целом российское общество к 1914 г. представляло собой контрастную картину. С одной стороны — высочайшие мировые достижения в области литературы, музыки, живописи, с другой стороны — полная неграмотность значительной части населения. К началу XX в. почти 75% сельского населения и 59,2% городского были неграмотными (по данным 1920 г., грамотными были 58,3% городского и 38,5% сельского населения). Низкий уровень грамотности основной части населения существенно тормозил экономическое и политическое развитие страны. Следует при этом подчеркнуть, что народное просвещение развивалось внушительными темпами. В 1908 г. Николай II подписал закон о введении обязательного начального обучения. Расходы государства на просвещение с 1902 по 1912 г. выросли на 216,2%.

Российское государство никогда не было государством одной нации и изначально представляло собой многонациональное общество, населяющее громадную территорию. На территории Российской империи проживали представители более 100 национальностей, причём 57% населения составляли нерусские народы. По данным переписи 1897 г., великороссы (русские) составляли 55,4 млн чел. В конфессиональном плане по числу верующих преобладала православная церковь (87 млн чел., или 76% населения). На втором месте была мусульманская церковь (3,9 млн — 11,9%), далее — иудаистская (3,6 млн — 3,1%), протестантская (2,4 млн — 2%) и католическая (1,5 млн — 1,2%). Кроме того, имелись группы населения, исповедовавшие буддизм (ламаистской разновидности), конфуцианство, старообрядчество, шаманизм и другие верования. Национальные движения в России часто использовали религиозные лозунги и поддерживались церковными организациями, в связи с этим ещё в 1903 г. правительство начало готовить законопроекты о веротерпимости. Соответствующий закон был издан в начале

1905 г., а свободу вероисповедания провозгласил Манифест 17 октября 1905 г.

Все народы в составе империи развивались, сохранили свой язык и культуру, имели свою национальную элиту, духовенство и церковь, у многих появилась собственная интеллигенция. Однако в национальной сфере имелось много нерешённых проблем, прежде всего они касались неимущих слоёв населения. Основываясь на фактах тяжёлого положения рабочих разных национальностей, В. И. Ленин называл Россию «тюрьмой народов», хотя таковой она на деле не являлась.

В национальных районах по мере их развития, формирования собственной элиты, пробуждения чувств национального достоинства вызревали националистические настроения. В этих условиях дотоле достаточно взвешенная, толерантная политика властей в национально-конфессиональном вопросе всё более даёт крен в сторону русского великороджавного шовинизма, русификации окраин, централизации, нетерпимости по отношению к национальным меньшинствам. В ответ на усиление шовинистических и русификаторских тенденций в определённой части населения вызревали националистические и русофобские настроения¹.

Для понимания судеб России в XX в. принципиальное значение имеет облик крестьянства. Как уже отмечалось выше, подавляющую часть российского населения составляли крестьяне. Сельское хозяйство по-прежнему оставалось главной отраслью хозяйства России и к 1913 г. давало более половины национального дохода, но по сравнению с сельским хозяйством передовых стран оно всё же было отсталым. Экспортирующая хлеб Россия по производству хлеба на душу населения (26 пудов) существенно отставала от Северной Америки: в США производилось 48 пудов на душу населения, а в Канаде — 73 пуда.

После реформы 1861 г. производительные силы сельского хозяйства значительно выросли. Впервые за все годы российской истории начался ощущимый рост урожайности зерновых. Средняя урожайность составляла к началу XX в. 45 пудов с десятины, т. е. в переводе на современные метрические меры 7–8 центнеров с гектара. Она выросла по сравнению с XIX в. в результате освоения новых степных чернозёмных районов, улучшения техники и агрономии сельского хозяйства. Но урожайность в странах Европы продолжала оставаться более высокой: выше в 2 раза во Франции, почти в 4 раза в Германии, а в Дании более чем в 4 раза².

Целый ряд феодальных пережитков по-прежнему опутывал деревню. Оказавшись лично свободными, крестьяне вплоть до начала XX в. были тесно связаны с помещичьими имениями. В руках помещиков оставался не только основной массив

¹ См.: Россия в начале XX века. — М., 2002. — С. 32—33.

² См.: Ковнир В. Н. История экономики России. — М., 2005. — С. 260—261.

плодородных земель, но и отрезки от прежних крестьянских наделов, а также леса, водопои, выгоны, дороги. Помещичьи имения, которые занимали самые плодородные земли, находились на более высоком агротехническом уровне и были намного лучше оснащены техникой, урожайность в них была в среднем на 20—25% выше, чем в крестьянских хозяйствах. К тому же за крестьянами числились огромные суммы выкупных платежей, которые они должны были платить государству, поскольку оно по условиям реформы 1861 г. уплатило за крестьянские наделы помещикам. Всё это приводило к постоянному недовольству в крестьянской среде.

Одной из важных особенностей облика российской деревни являлось существование в большинстве регионов страны общинного уравнительного землепользования. С одной стороны, община защищала своих членов, помогала им, а с другой — жёстко сковывала их инициативу, регламентировала труд, быт и нравы. Главная часть надельной (крестьянской) земли использовалась на основах общинного землепользования: из 136,9 млн десятин (149,2 млн га) на общинное пользование приходилось 114,1 млн десятин (83,3%). При этом фактически община начала XX в. уже не гарантировала уравнительности в землепользовании, расслоение крестьянства происходило и внутри её. В итоге около половины надельной (крестьянской) земли находилось в руках 2,1 млн дворов наиболее зажиточной группы крестьянства, имевших по 15 десятин и более. Иными словами, расслоение крестьянства происходило, но слишком медленно. Задерживая расслоение крестьянства, община замедляла накопление капитала и создание прочного внутреннего рынка для промышленности. Пороки общинного землепользования понимали многие государственные и общественные деятели того времени. Ещё в конце 1860-х гг. князь А. И. Барятинский призывал «поощрить частную собственность крестьян и этим «задушить зародыши коммунизма». Причины, по которым власть продолжала держаться за общину, довольно просты. Одну из них прямо называл С. Ю. Витте: «Стадное управление крестьянами через общину было для бюрократии самым удобным. Власти не надо было доходить до каждого отдельного крестьянина, те или иные повинности возлагались на общину, и уже её дело, кого она выделит в сотские, выполнявшие мелкие полицейские обязанности, кого пошлёт чинить просёлочные дороги...» Особенно важно было то, что с общиной, а не с отдельного двора взимались выкупные платежи. Все члены общины были повязаны круговой порукой. Чтобы число плательщиков не сокращалось, закон до крайности затруднял выход из общины. Вторая важная причина состояла в том, чтобы задержать с её помощью дифференциацию крестьянства, уход его части из деревни и тем самым предотвратить «язву пролетариата». Кроме того, община воспринималась властями как главный оплот против революционных потрясений, обрушившихся на Европу в XIX в.

Однако парадокс русской истории состоял в том, что защитниками общинды выступали и консерваторы, и революционеры.

Первые хотели удержать цитадель самодержавного строя, вторые, наоборот, надеялись с помощью общины перескочить, минуя капитализм, прямо в социализм. Отсталость землевладения, малоземелье, наличие множества пережитков крепостничества в русской деревне послужили важнейшими причинами обострения классовой борьбы между помещиками и крестьянством, между зажиточными группами крестьянства и беднотой. В начале XX в. восстания крестьян охватили многие районы России, в особенности Центр, Поволжье, Закавказье. В результате роста крестьянского движения аграрный вопрос стал основным в условиях надвигавшейся революции.

Многие годы в отечественной и зарубежной исторической литературе господствовало мнение, что российская революция в значительной степени была следствием именно аграрного кризиса. Его черты, как известно, ярко определены в работах Ленина, посвящённых предреволюционной России. Симптомами кризиса были растущие цены на землю, увеличивающаяся налоговая задолженность крестьян, голод начала 1890-х гг., уменьшение крестьянского землевладения на душу населения, обнищание крестьян в зернопотребляющих губерниях и, что наиболее важно, падение крестьянских доходов на душу населения. Сомнений в аграрном кризисе у советских историков не было. Западные исследователи, такие, как Александр Гершенкрон, Лазарь Волин, Алек Ноув, также во многом признавали его существование. К примеру, А. Гершенкрон был склонен считать его причиной решение власти сохранить общинное хозяйство¹. Реформа 1861 г. передала землю в пользование общине, а не индивидуальным крестьянским хозяйствам, и именно община отвечала за выкупные платежи, которые она собирала с крестьянских семей, чем, собственно, по мнению историка, и было вызвано долговременное снижение жизненного уровня российских крестьян в течение 30 лет после реформы 1861 г. Гершенкрон подсчитал, что внутреннее потребление пшеницы и ржи на душу населения в конце 1890-х гг. было ниже, чем в начале 1870-х гг. Он полагал, что власти устраивало, что община продолжала выполнять полицейские и налоговые функции, а дворянство, в свою очередь, было заинтересовано в дешёвой рабочей силе, которую должны были гарантировать недостаточные земельные наделы в общине. Ограничительные правила общины не поощряли повышение производительности труда. Более трудолюбивые крестьянские семьи теоретически должны были оплачивать долги остальных. По Гершенкрону, сохранение общинного сельского хозяйства, слишком обременённого долгами, приводило к тому, что рост аграрного производства не успевал за ростом сельского населения. Другими проявлениями аграрного кризиса являлись рост

¹ См.: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчёты и оценки / Пер. с англ. — М., 2003. — С. 29—30.

арендных платежей и крестьянской задолженности по налоговым платежам, а также растущие цены на землю.

Общинное землевладение в конечном счёте душило индустриализацию. Ограниченная мобильность рабочей силы оставляла промышленность на голодном пайке и вынуждала российских предпринимателей использовать капиталоёмкие технологии. Истощение крестьянства вызвало политическую нестабильность. Общинное хозяйство подавляло рост продуктивности сельского хозяйства и лишало промышленность сельскохозяйственного сырья. Аграрный кризис держал крестьянского потребителя вне рынка, заставляя государство быть главным покупателем промышленных товаров в России.

Общественное недовольство 1905 г. вынудило российское правительство начать стolыпинские реформы. Эти реформы аннулировали крестьянскую задолженность и дали крестьянским семьям право выделения своего надела из общинной земли. Гершенкron считал, что слишком медленные попытки исправить ошибки, допущенные царским правительством в экономической политике, и привели к революции. К числу таких ошибок он относил, например, откладывание до 1905 г. аграрной реформы, что не позволило превратить Россию в процветающую страну, интегрированную в западный мир. Как для Ленина, так и для Гершенкrona тезис об экономическом провале России служил хорошей основой для объяснения причин революции 1917 г.

Известный современный американский исследователь П. Грегори, проанализировав рост совокупного объёма производства, производительность труда и жизненный уровень в сельском хозяйстве России, поставил под сомнение утверждение литературы об аграрном кризисе, который якобы поразил сельское хозяйство России в период с 1870-х гг. до революции 1917 г. Он не нашёл в структуре сельского хозяйства России каких-либо организационных механизмов, которые мешали бы ему развиваться темпами, достаточными для поддержания современного экономического роста. По мнению П. Грегори, развитие сельского хозяйства в Российской империи шло по типичному образцу «пограничной» экономики. По мере того как открывались новые области, старые сельскохозяйственные районы приходили в упадок. Как установил Грегори, рост реального дохода на душу населения в России с 1861 по 1913 г. был сравним с показателями других стран. В период индустриализации и предполагаемого аграрного кризиса (1880—1890-е гг.) российский рост производства в расчёте на душу населения примерно равнялся западноевропейскому. В преимущественно аграрной стране любое продолжительное снижение доходов крестьян на душу населения должно было бы неизбежно вызывать уменьшение соответствующего общенационального показателя. Однако данные о национальном доходе, приводимые экономистом, не свидетельствуют об охватившем всю страну аграрном кризисе до начала века. В результате аграрный кризис в начале XX в. был ограничен районами старой культивации,

в масштабах же национальной экономики никакого кризиса в сельском хозяйстве не было¹.

Таким образом, исходя из новейших исследований социально-экономического развития России конца XIX — начала XX в., можно сделать несколько обобщений и выводов о состоянии российской экономики, а также об особенностях её роста.

Экономическое развитие России шло достаточно неравномерно. Экономический подъём конца XIX в. сменился тяжёлым экономическим кризисом 1900—1903 гг., возобновившийся в 1904 г. рост был остановлен Русско-японской войной и последовавшей за ней революцией 1905 г. Депрессия 1905—1908 гг. сопровождалась кратковременным оживлением и новым кризисом, но последовавшие за ним реформы Столыпина заложили основы дальнейшего развития экономики, и в 1909—1913 гг. начался её активный подъём. Действительно, предвоенное пятилетие — время наивысшего, последнего взлёта дореволюционной России, затронувшего все важнейшие стороны жизни страны. Высокими темпами шло развитие промышленности. Хотя доля иностранных вложений снизилась с 50% в 1905 г. до 12,5% в 1913 г., прирост продукции крупной промышленности составил за 13 лет с 1900 по 1913 г. с поправкой на рост цен 74,1%. Преодолев последствия тяжёлого экономического кризиса 1900—1903 гг. и последовавшую за ним депрессию, она за годы предвоенного экономического подъёма (1909—1913) почти в 1,5 раза увеличила объём производства. Причём, отражая продолжавшийся процесс индустриализации страны, тяжёлая промышленность по темпам роста заметно превосходила лёгкую (174,5% против 137,7%). По общему объёму промышленного производства Россия занимала 5—6-е место в мире, почти сравнявшись с Францией и превзойдя её по ряду важнейших показателей тяжёлой промышленности. Железнодорожное сообщение увеличилось за это же время в 2,5 раза. Сельское хозяйство также переживало подъём. Заметно выросло производство сельскохозяйственной продукции, прежде всего зерновых и картофеля, а также ряда технических культур: хлопка, сахарной свёклы, табака. К примеру, за период 1908—1912 гг. производство пшеницы выросло на 37,5%, ячменя — на 62%, кукурузы — на 44%. В наиболее урожайные годы (1909, 1910) русский экспорт пшеницы достигал 40% мирового, в наименее урожайные (1908, 1912) он сокращался до 12,5%. Достигнуто это было в основном за счёт увеличения площади обрабатываемых земель на окраинах империи — Сибири, Средней Азии, но в какой-то мере и за счёт повышения урожайности, более широкого использования машин, усовершенствованных орудий, удобрений и т. д. Увеличилось в абсолютном выражении

¹ См.: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.) Новые подсчёты и оценки / Пер. с англ. — М., 2003. — С. 29—30.

поголовье скота, хотя показатели на душу населения продолжали устойчиво сокращаться. Продолжалось формирование современной инфраструктуры — путей сообщения, средств связи, кредитной системы. Русский рубль считался одной из твёрдых конвертируемых валют, его золотое обеспечение было одним из самых прочных в Европе.

Наконец, в сфере культуры правительство прилагало большие усилия к преодолению тяжёлого недуга российского общества — низкого уровня грамотности: расходы министерства народного просвещения возросли с 1900 г. почти в 5 раз, составив в 1913 г. 14,6% всех бюджетных расходов.

Темпы экономического и культурного развития страны, структурные изменения в народном хозяйстве казались столь впечатляющими, что председатель синдикальной палаты парижских биржевых маклеров М. Вернайль, приезжавший летом 1913 г. в Петербург для выяснения условий предоставления России очередного займа, предсказывал неизбежный, как ему казалось, в течение ближайших 30 лет громадный подъём российской промышленности, который можно будет сравнивать с колоссальными сдвигами в экономике США в последней трети XIX в.¹ С ним фактически солидаризировался французский экономический обозреватель Э. Тэри, также знакомившийся по заданию своего правительства с состоянием российской экономики. Его заключение, сделанное в книге «Россия в 1914 г. Экономический обзор», гласило: «...экономическое и финансовое положение России в настоящий момент превосходно... от правительства зависит сделать его ещё лучше». Более того, он предупреждал: «Если у большинства европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 гг., как они шли между 1900 и 1912 гг., то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом отношении»². Профессор Берлинской сельскохозяйственной академии О. Аухаген, обследовавший в 1912—1913 гг. ряд губерний Центральной России на предмет изучения хода аграрной реформы, завершал свой анализ так: «Я заканчиваю изложение своего мнения о вероятном успехе предпринятого правительством дела, соглашаясь с мнением выдающегося сельского хозяина, уроженца Швейцарии, управляющего около 40 лет одним из крупнейших имений России в Харьковской губернии, о том, что «ещё 25 лет мира и 25 лет землеустройства — тогда Россия сделается другой страной»³.

Насколько успешно в действительности функционировала экономика царской России, можно понять, лишь сравнив

¹ См.: Ананьев Б. В. Россия и международный капитал. 1897—1914 гг. — Л., 1970. — С. 272.

² Тэри Э. Россия в 1914 г. Экономический обзор. — Париж, 1896. — С. 13, 157.

³ Аухаген О. Критика русской земельной реформы. — СПб., 1914. — С. 32.

уровни её экономического развития с соответствующими показателями промышленно развитых стран.

Исследования историков и экономистов последних лет, особенно фундаментальное исследование Пола Грегори, позволяют сделать некоторые принципиальные выводы, связанные с развитием России на рубеже XIX и XX вв.

Во-первых, уровень экономического развития России на кануне Первой мировой войны был выше, чем это было принято считать в историографической традиции (как у нас, так и за рубежом), а темпы её экономического роста в активной фазе капиталистической индустриализации были сравнимы с темпами роста стран — лидеров западного мира того времени. Показатели роста валового внутреннего продукта в России вполне можно сравнивать со средними долговременными показателями роста передовых стран. Показатели роста ставят под сомнение прежние заключения о провале экономики царской России. Промежуток с 1861 по 1913 г. включает продолжительный период замедленного развития (1861—1880), поэтому темпы роста в «современную эпоху» (1880-е гг. — 1913 г.) ещё более сравнимы с европейскими. Рост основных показателей свидетельствует, что темпы экономических и социальных перемен в России были сравнимы с европейскими, хотя заметно отставали от темпов США. Рост населения был самым быстрым в Европе и даже приближался к высокому, поддерживаемому иммиграцией, уровню численности населения Соединённых Штатов. Российское сельское хозяйство, несмотря на серьёзные институциональные проблемы, росло так же быстро, как и в целом в Европе (в течение периода быстрого развития сельского хозяйства в индустриально развитом мире), а в целом показатели роста выпуска продукции в стране превышали аналогичные европейские. Наличие общин не помешало сельскому хозяйству России интегрироваться в мировой зерновой рынок. Транспортные издержки сокращались, а крестьяне в результате аграрной реформы Столыпина получили возможность покидать общину. Россия была полноправным участником системы мировой торговли и вторым по величине экспортёром зерновых, хотя эта торговля и ограничивалась высокими тарифами. Её природные богатства и большое население притягивали значительные иностранные инвестиции, которые окупались с большей прибылью. Экономику дореволюционной России на кануне Первой мировой войны можно определить как вполне рыночную, сильно интегрированную в мировую. Экономические решения принимались индивидуально — бизнесменами, торговцами и сельскохозяйственными производителями. Цены же устанавливались в результате функционирования стандартных рыночных механизмов, хотя в литературе недавнего времени экономический опыт России определялся как уникальный. Главное, опыт развития рыночной экономики России того времени можно считать успешным, несмотря на то что в политических и научных кругах он традиционно рассматривался как неудачный. (Даже такие разные по своим взглядам люди, как

В. И. Ленин и А. Гершенкрон, сходились в вопросе о провале российской дореволюционной экономики, хотя и по различным мотивам.)

Вместе с тем к 1913 г. российская экономика была менее развитой по сравнению с экономикой своих соседей — западных стран, испытывая все сложности недостаточной институциональной инфраструктуры, характерные для отсталых рыночных систем. Бюрократическое вмешательство было очень сильным, хотя и не парализующим.

Накануне Первой мировой войны Российская империя была крупнейшим должником на мировом рынке капитала, и объявленный большевиками дефолт не случайно вызвал кризисные явления на этом рынке. Серьёзной проблемой России была её неспособность снизить уровень детской смертности. Этот показатель в 1913 г. едва ли был ниже, чем почти 50 лет назад. Однако темпы демографических изменений относительно высокого уровня рождаемости и смертности незначительно отличались от средних европейских показателей.

Новые данные позволяют наконец дать ответ на вопрос, поставленный много лет назад Алеком Ноувом: «Был ли в действительности необходим Сталин?» То есть оккупались ли форсированные коллективизация и индустриализация, ГУЛАГ, ограничение потребления за счёт более быстрых темпов экономического развития России/СССР? Дореволюционный опыт Российской империи позволяет некоторым образом оценить возможности альтернативного развития страны — без Сталина, по пути реализации рыночной модели. Ответ в исследовании П. Грегори. По существу, в его книге представлена история успеха экономики Российской империи: если бы Россия после войны удержалась на пути рыночной модели развития, показатели роста её экономики были бы никак не меньшими, чем до войны. В этом случае темпы её развития опережали бы среднеевропейские. Есть, однако, все основания предполагать, что за счёт преодоления многих институциональных препятствий (путём завершения аграрной реформы, улучшения системы законодательства в сфере регулирования бизнеса) темпы роста послевоенной России превысили бы довоенные показатели. Любой из предложенных сценариев теоретически определяет позиции той гипотетической России как одной из самых развитых национальных экономик — не такой богатой, как, скажем, Германия или Франция, но близкой к ним. Следовательно, мы должны ответить на вопрос, заданный Ноувом, отрицательно: Сталин не был необходим, так как все долгосрочные цели развития России/СССР могли быть достигнуты на путях функционирования стабильной рыночной экономики.

Если даже очень осторожно спроектировать показатели этого роста в гипотетическое будущее, мы увидим, что Россию отделяло всего лишь несколько десятилетий от превращения в процветающую во всех отношениях экономику. Однако Первая мировая война разрушила институциональную структуру, а также привела к утрате значительной части человеческого

и физического капитала, внёсших основной вклад в выстраивание траектории этого развития.

Максимум, что сделал сталинизм, — это обеспечил экономической системе более быстрые по сравнению с рыночными темпы развития в течение относительно небольшого периода времени. После 1950-х гг. советская экономика начала замедлять ход своего развития, влияние былых преимуществ исчезло вовсе.

Предсказания и прогнозы эти сбылись лишь отчасти и совсем не так, как предполагали процитированные выше авторы. История не отвела России необходимых лет спокойствия и мира — внутреннего и внешнего. Первая мировая война явилась сурвым испытанием на прочность для растущей российской экономики, прервав экономическое развитие Российской империи на взлёте. В условиях мировой войны копившиеся десятилетиями социальные, экономические и национальные противоречия углублялись. Прежде всего кризис разразился в сельском хозяйстве. К началу войны не было создано достаточного объёма продовольственных запасов. Принятые правительством меры по регулированию продовольственного снабжения не смогли обеспечить в годы войны бесперебойные поставки продовольствия армии и городскому населению. В условиях нараставшей инфляции и сокращения рынка потребительских товаров держатели хлеба отказывались продавать его по твёрдым ценам. В конце 1916 г. городское население оказалось на грани голода, хотя в деревне (особенно на Урале) имелись значительные запасы хлеба.

Перестройка промышленности на военный лад позволила только к 1916 г. достигнуть выполнения потребностей фронта в вооружении и транспорте, но этого удалось достичь за счёт резкого увеличения интенсификации труда рабочих, роста продолжительности рабочего дня, сокращения числа дней отдыха. Ухудшение условий труда и фактическое снижение заработной платы в условиях растущей инфляции, рост безработицы толкают рабочих на забастовки. Стачки приобретают всеобщий характер. Если в 1910 г. число участников стачек в фабрично-заводской промышленности составляло 2,4% от общего числа рабочих (46 тыс. чел.), то к 1916 г. в забастовках приняли участие около 1 млн рабочих.

Таким образом, многочисленные факты свидетельствуют, что в России на рубеже XIX и XX вв. скопился огромный потенциал для социального взрыва, но фатальной неизбежности, и об этом говорят многочисленные факты, крушения существующего строя весной 1917 г. не было.

••• **Роль марксизма в Великой российской революции**

Говоря о Великой российской революции 1917 г., нельзя обойти стороной один чрезвычайно важный вопрос, имеющий прямое отношение к её причинам и предпосылкам. Как известно, октябрьский этап революции 1917 г. в России был впервые в истории не только стихийным социальным взрывом народных

низов, но и результатом организационной и пропагандистской работы опиравшейся на марксистское учение большевистской партии во главе с В. И. Лениным. Одно время поражение реального социализма и крах СССР снизили влияние этого учения, общественный интерес к нему. Имя Ленина практически исчезло из общественных дискуссий. Но для нашей темы важно не то, насколько верным представляется ленинское учение столетие спустя, а то, что оно было знаменем и руководством к действию большевиков. Картина революции будет неполна без понимания места и роли в ней Ленина и его теории, названной ленинизмом. Поэтому в новом Историко-культурном стандарте присутствует специальный сюжет, посвящённый Ленину и созданной им РСДРП(б).

«Говорить и писать о Ленине, — утверждал Д. Волкогонов, — это прежде всего выразить своё отношение к ленинизму»¹. Несомненно, это так. Но одновременно это ещё и вопрос о марксизме вообще и о русском марксизме в частности. Марксистской теорией пользовались русские революционеры. Марксизм являлся идеологической основой революционных преобразований большевистской партии. Неоспоримый факт — Ленин был и оставался до конца жизни последователем идей Маркса. Советская историография не случайно изображала Ленина как твердокаменного марксиста. И хотя со времён горбачёвской гласности открылось много нового и о Ленине, и о его марксизме, факт приверженности Владимира Ильича марксистским идеям не был никем опровергнут.

Вопрос, почему марксизм на протяжении многих десятилетий являлся одной из самых влиятельных идеологических доктрин мирового масштаба и тем более почему им заинтересовались русские революционеры, актуален и сегодня. Потому ли, что он обладал значительной духовной силой? Или потому, что он находил отклик в сердцах угнетённых масс? Или потому, что он привлекал к себе высокообразованных интеллектуалов? «В Советском Союзе в середине XX века Маркс приобрёл статус светского Бога, у которого Ленин выступал Иоанном Крестителем, а Сталин был Мессией»². Тиражи сочинений Маркса и Энгельса, издаваемые во всём мире, были сопоставимы с тиражами Библии. Некоторые зарубежные исследователи обращают внимание на то, что не только в коммунистическом мире, но и на Западе отношение к Марксу было близко к мистическому: «Для Запада времён холодной войны он был демоническим прародителем всего зла на земле»³.

Научные дебаты о Марксе и марксизме не прекращаются до сих пор. Марксизм — явление многоплановое. Одни исследователи видят в нём лишь опирающуюся на факты научную теорию. Другие — «светскую религию», призванную дать однозначный,

¹ Волкогонов Д. А. Ленин. Политический портрет. В 2 кн. Кн. 1. — М., 1994. — С. 29—30.

² Френсис У. Карл Маркс. — М., 2003. — С. 6.

³ Там же.

исчерпывающий ответ на все вопросы развития природы и общества¹. Сегодня под марксизмом принято понимать определённую совокупность идей, включающих в себя материализм в сочетании с материалистическим пониманием истории, трудовую теорию стоимости, теорию классов и классовой борьбы, учение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, социалистическое и коммунистическое видение будущего.

Возникновение учения Маркса и Энгельса непосредственно связано с бурным развитием производительных сил в первой половине XIX в., и в частности с переходом ведущей роли в жизни общества от сельского хозяйства к промышленности. Анализируя эти обстоятельства, Маркс и сделал два вывода, ставшие краеугольными в его будущей теории. Первый — о выходе на историческую арену промышленного пролетариата, который якобы становится ведущей социальной силой в общественном развитии. Второй — об обнищании трудящихся. И хотя мнение об углубляющейся нищете рабочих в результате развития капитализма было ошибочным, это не помешало Марксу сделать тезис об обнищании пролетариата ключевым в своей теории социальной революции. Революция нужна не потому, что при капитализме перестают развиваться производительные силы, а потому, что рост капиталов сопровождается усилением нищеты трудящегося населения, ставящей его на грань голодного вымирания. Спасением от катастрофы может быть только пролетарская революция.

С позиций современной науки наиболее актуальная сегодня часть Марковой теории — философия истории как метод исторического анализа. Анализируя историю цивилизации и опыт европейских революций, он сформулировал определённые закономерности общественного развития, которые считал «железными законами истории». Они заключались в последовательной смене формаций. «В ходе своей жизни, — пишет Маркс, объясняя свой принцип исторического процесса, — люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую основу общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще, не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями или — что является только

¹ См.: Гайдар Е., Май В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» // Вопросы экономики. — 2004. — № 5—6.

юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она даёт достаточно простора, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созревают материальные условия их существования в недрах самого старого общества»¹. Таким образом, ключевой тезис Маркса состоял в том, что производительные силы (или технологический базис) общества определяют его производственные отношения (т. е. экономические, социальные и политические институты). На определённой ступени своего развития производительные силы не могут больше существовать в рамках прежних производственных отношений, прежде всего отношений собственности. Укрупнение производства, его концентрация и централизация укрепляют общественный характер производительных сил, всё более противоречащий частной форме организации производства. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями разрешается в «эпоху социальной революции», под которой основоположник марксизма понимал длительный период перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Кульминационным моментом этого периода является собственно политическая революция. Причины политических революций К. Маркс видел в классовой борьбе, её же он считал главной движущей силой общественного развития в целом. По мнению Маркса, со временем капитализм, так же как и феодализм, достигнет предела своего развития. Ему на смену придёт новая социалистическая (коммунистическая) формация. За доказательство приближающегося конца капитализма, его кризис Маркс и Энгельс поспешили выдать симптомы его незрелости, неразвитости в странах Европы.

Претензия марксизма на раскрытие универсальных законов истории вместе с нацеленностью его историко-философской концепции не столько на познание мира, сколько на его преобразование («Философы лишь различным способом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его») придали учению мессианский характер. «Научно обосновав» коммунистическую идею, Маркс вдохновил на революционные эксперименты не одно поколение молодых людей. Известный современный философ Карл Поппер, описывая свои юношеские впечатления, отмечал, что «идеи Маркса создают ощущение, будто ты познал законы истории, увидел картину будущего. Они дают неявный моральный посыл — помочь свершиться неизбежному»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 49 т. — Т. 13. — М., 1955—1974. — С. 6—7.

² Цит. по: Гайдар Е., Май В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» // Вопросы экономики. — 2004. — № 5—6. — С. 5.

С позиций современной науки, Маркс и его последователи абсолютизировали тенденции развития производительных сил относительно форм производства и политической жизни. Они определили характер «болезни», но ошиблись в двух аспектах. В первую очередь они экстраполировали на долгие годы вперёд современные Марксу тенденции развития производительных сил (концентрация и централизация). Этот тренд представлялся им неизменным. Неверным оказался и рецепт лечения «болезни» — через системный кризис и полномасштабную революцию. «Иными словами, — отмечают Гайдар и May, — предложив интересный анализ современных противоречий и проблем развития производительных сил и общественных форм, Маркс и марксисты сформулировали ошибочную гипотезу о механизме разрешения этих противоречий»¹. Как показала практика первой половины XX в., на индустриальном этапе наиболее развитые страны смогли адаптироваться к новым условиям без политических потрясений, изменив взаимоотношения между государством, бизнесом и наёмным трудом с помощью комплексных и глубоких реформ. В тех случаях, когда приспособление к новым условиям сопровождалось резкими сдвигами в политической и социальной структуре общества, эти сдвиги приводили не к социалистическим (пролетарским) революциям в Марковом понимании и торжеству гуманизма, а к установлению диктаторских, тоталитарных режимов (в России, Германии, Аргентине и т. д.).

Что касается тезиса, в соответствии с которым «наиболее развитые страны дают менее развитым пример их будущего», то его скорректировал сам Маркс, считая излишне упрощённым. Он уточнил, что этот вывод имеет смысл только в том случае, если страна уже встала на путь капиталистического развития. Вопрос о том, должна ли страна обязательно пойти по этому пути, так и остался открытым. В этой связи следует подчеркнуть, что учение Маркса стало видоизменяться и уточняться сразу после своего оформления в связи с новыми обстоятельствами, вызванными развитием капитализма.

Его экономическая теория в узком смысле (микро- и макроэкономика) малоинтересна сама по себе, так как она, по существу, лишь стала логическим завершением рикардианства². В этом смысле марксистская политэкономия в целом имела ограниченную научную значимость. По мнению современных экономистов, её практический смысл состоял именно в создании доктринальной базы для обоснования «классовой борьбы пролетариата». Как справедливо отмечают исследователи, марксистское видение коммунизма также всегда носило довольно схематичный, во многом абстрактный характер. Отчасти это объяснялось стремлением марксистов создать подлинно

¹ Цит. по: Гайдар Е., May B. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» // Вопросы экономики. — 2004. — № 5—6. — С. 5.

² Там же. — С. 6—7.

научную концепцию развития общества, где чисто умозрительные, не подкреплённые жизненной практикой умозаключения были бы исключены или сведены к минимуму, а наполнение этой схемы конкретным содержанием сознательно откладывалось на будущее. Ни в одной из работ Маркса нет описания того, как будет устроено коммунистическое общество и как оно будет функционировать. Не предложил он и программы построения нового общества после свершения революции, за исключением знаменитых десяти пунктов, содержащихся в «Манифесте Коммунистической партии», написанном ещё в 1848 г. Больше он нигде не писал о переходе от капитализма к социализму. Как отмечают биографы Маркса, после выхода в 1867 г. в свет «Капитала» он в течение последних пятнадцати лет своей жизни не опубликовал ни одной значительной работы. Он занимался изучением азотных удобрений, сельского хозяйства, физики и математики. Видимо, Маркс не случайно пытался отвлечься, уйти от действительности. Единственным новым вкладом в сокровищницу научного социализма, сделанным Марксом спустя три десятилетия после «Манифеста...», стал лозунг «Каждый по способностям, каждому по потребностям»¹. Но, как с иронией отмечал известный социолог и экономист Г. Норт, «этот лозунг вряд ли достаточное основание для построения новой цивилизации». По его мнению, это был не личный кризис Маркса, это был кризис его учения². Маркс к концу жизни понял, что многое из написанного им перестаёт соответствовать действительности. Понимание нелинейности общественного развития в последние годы его жизни заставляет Маркса внести корректизы в теорию общественных формаций. Начинают вызывать у учёного определённые сомнения и перспективы социалистической революции. Практика свидетельствовала, что революционные катаклизмы, стремление пролетариата взять власть в свои руки не зависят линейно от прогресса капиталистических отношений. В противном случае следовало бы ожидать, что Англия покажет пример не только развития производительных сил, но и революционного движения, приближения общества к социализму. Между тем реальность демонстрировала, что революционные движения (и рабочие партии) активнее развиваются в более отсталых странах. Ход событий подталкивал к выводу, что революция не магистральное направление развития буржуазной цивилизации.

Маркс, разуверившись в последние годы своей жизни в перспективах революционного движения в Англии, обратил внимание на развитие событий в России, стал изучать русский язык, работал с российскими статистическими материалами. Здесь среди социалистов была распространена точка зрения, согласно которой община создаёт условия для перехода к социа-

¹ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 49 т. — Т. 19. — М., 1955—1974. — С. 20.

² См.: Норт Г. Маркса религия революции. Возрождение через хаос / Пер. с англ. — Екатеринбург, 1994. — С. 66.

лизму, минуя капитализм. В письмах конца 1870-х — начала 1880-х гг. он, пересматривая собственные взгляды, утверждает, что община является точкой опоры социального возрождения России, однако, для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устраниТЬ тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития¹. После публикации писем Энгельс, разъясняя позицию Маркса, говорил о невозможности для общества, стоящего на более низкой ступени экономического развития, разрешить задачи и конфликты, которые могут возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития. Из этого логически следовало, что русская община может сохраниться и эволюционировать в сторону социализма лишь при условии пролетарской революции на Западе, для которой революционное движение послужит мощным стимулом. Именно из идей Ф. Энгельса, высказанных в работе «Социальный вопрос в России», выросли представления российских сторонников марксизма в канун революции 1905—1907 гг. о том, что грядущая революция не будет социалистической, но она может стать детонатором для революционного подъёма на Западе. На этой основе создал свою теорию перманентной революции Л. Троцкий, считавший, что в России пока нет базы для социализма, так как она не является развитой капиталистической страной, но российская революция, возглавляемая пролетариатом, может проложить дорогу европейской, а социалистическая Европа поможет построить социализм в самой России². Близка к этому позиция Ленина, считавшего, что в России по сравнению с Западной Европой неизмеримо легче начать пролетарскую революцию, однако её гораздо труднее продолжить, чем на Западе.

Подобный подход позволял, по мнению Е. Т. Гайдара, затолкать реальности социально-экономического кризиса в России, порождённого её специфическим историческим наследием, наложенным на конфликты раннеиндустриального периода, в узкую логику действий радикальной партии с её марксистским пониманием закономерностей исторического процесса. Иными словами, он давал возможность совместить светскую религию и политическую практику. Именно такая логическая схема диктовала большевистскому руководству его действия после крушения царизма в феврале 1917 г.

В нашу задачу не входит анализ генезиса и дальнейшего развития учения Маркса и Энгельса о социализме и коммунизме. Гораздо более актуален вопрос: какую роль в действительности сыграл Карл Маркс и его теория в Великой российской революции?

¹ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 49 т. — Т. 19. — М., 1955—1974. — С. 250—251.

² См.: Троцкий Л. Д. Перманентная революция. — М., 2013. — С. 176.

Распространение марксистских идей в России было сложным и достаточно противоречивым процессом. Марксизм согласно известному выражению Ленина «как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹. Борьба с самодержавием была главной задачей русских революционеров на протяжении всего XIX в. Против монархии боролись декабристы, Герцен и Чернышевский, блестящая плеяда революционеров 1870-х гг. Тогда же русская интеллигенция увлекается социалистическими идеями.

Вместе с тем российская почва плохо подходила для марксистского социализма. Теория Маркса формировалась для развитых капиталистических стран, на базе их опыта. Россия со всей очевидностью к ним не относилась, она лишь вступила на путь индустриализации. Среди рабочих только немногочисленный слой был готов воспринять политическую программу социалистов. Для большинства же рабочих главный вопрос состоял в том, чтобы быть сытым. «Хождение в народ» показало, что и русский крестьянин был не только глух к революционным призывам, но и чужд самой идеи социализма. Иными словами, увлечение марксистской доктриной ставит перед её российскими последователями непростые проблемы: из учения Маркса следовало, что предпосылок для социалистической революции в России нет и в ближайшие десятилетия не предвидится. Тем не менее были обстоятельства, благоприятствующие успешному продвижению марксизма в России. Прежде всего это идейный кризис народничества, политики террора. Проникновению в страну идей Маркса предшествовал полный противоречий и тупиков практический поиск социалистической интеллигенцией путей к народу (борьба «шестидесятников», «хождение в народ», террор). Этот поиск со всей ясностью выявил основной порок исходной доктрины народников. Русские социалисты оказались перед выбором: либо отказ от борьбы, либо отказ от теории, в которой «политике» (и приобщению к борьбе масс) не находилось места². Принципиально важно, что появление и распространение марксизма в России совпало с наиболее динамичным периодом модернизации страны. Быстрый рост российского капитализма и рабочего движения и особая восприимчивость русской интеллигенции ко всем западным идеологическим течениям довольно быстро меняли идеологическую ситуацию в России в пользу марксизма.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. — Т. 12. — М., 1958—1965. — С. 10.

² См.: Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). — М., 2000. — С. 223.

Первое знакомство отдельных представителей русской интеллигентской элиты с произведениями Маркса и Энгельса относится еще к 40-м гг. XIX в. (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, М. А. Бакунин, В. П. Боткин и др.). Начиная с 1860-х гг. стали появляться переводы некоторых работ Маркса и Энгельса на русский язык, а в 1872 г. в Петербурге был издан перевод первого тома «Капитала», вызвавший большой интерес в научных и революционных кругах. Уже в 1870 г. в Женеве группа эмигрантов из России основала русскую секцию I Интернационала, установившую контакт с Марксом и стремившуюся привлечь русское революционное движение к движению европейского пролетариата.

Русскую научную интеллигенцию привлекали в марксизме широта и глубина постановки основных мировоззренческих вопросов, глубокий анализ капитализма и его противоречий. Революционные круги восхищались яростным духом борьбы за социальную справедливость, которым веяло от произведений Маркса и Энгельса, их преданностью демократическим и социалистическим идеалам и интересам пролетариата, непоколебимой уверенностью в грядущей победе коммунизма. Импонировало им и то, что Маркс и Энгельс были решительными противниками и критиками царского самодержавия.

Выдающуюся роль в распространении марксизма в России сыграл Г. В. Плеханов. Он пришел к марксизму, преодолевая различные концепции немарксистского социализма. В 1870-е гг. Плеханов был членом народнической организации «Земля и воля», а затем состоял в «Черном переделе». За границей в 1883 г. Плеханов вместе с несколькими единомышленниками основал первую русскую марксистскую группу «Освобождение труда» и начал с издания «Библиотеки современного научного социализма» пропаганду марксизма. Считая своей основной задачей критику ошибочных взглядов народников, Плеханов опубликовал ряд работ, таких, как «Социализм и политическая борьба» (1880) и «Наши разногласия» (1885), сыгравших значительную роль в формировании теоретических взглядов будущей российской социал-демократии. Чтобы понимать ход исторического развития и стать во главе его, доказывал он, следует принять теорию Маркса. Предприняв первую в отечественной литературе попытку анализа капитализма в России, он связывал будущее России с буржуазным развитием. Он отрицал наличие какого-то «особого пути» развития для России и не видел оснований думать, что Россия сможет избежать школы капитализма, тем более что она в нее уже поступила. Для идейного разгрома народников принципиальное значение имели выводы первого русского марксиста о быстром разложении крестьянской общины. Касаясь задач революционной интеллигентии, Г. В. Плеханов считал, что интеллигентия должна отказаться от роли благодетельницы русского народа, вращающей по своей воле колесо истории в ту или иную сторону, а равно и от надежды добиться такого поворота террором. Необходимая и единственно плодотворная работа революционной

интеллигенции — это создание массовой социалистической рабочей партии.

На рубеже XIX и XX вв. происходит организационное оформление марксистского течения. В 1895 г. в Петербурге был создан Союз борьбы за освобождение рабочего класса. В разных городах со значительным рабочим населением образовались группы интеллигентов и рабочих, принимавшие марксистскую программу. В 1898 г. на нелегальном съезде в Минске было положено начало Российской социал-демократической рабочей партии — РСДРП. Если I съезд был скорее заявлением о намерениях, то на II съезде в 1903 г. РСДРП стала партией в подлинном смысле этого слова, приняв соответствующий устав и утвердив соответствующую программу. Однако, как известно, фактическое создание партии стало прологом её же политического раскола. Второстепенное на первый взгляд расхождение по организационному вопросу (кто может считаться членом партии) очень быстро перерастает сначала в различное толкование политической тактики РСДРП в первой революции 1905—1907 гг., а затем и в непримиримую борьбу большевиков и меньшевиков по всем принципиальным вопросам революционного движения.

В современной литературе по поводу происшедшего раскола нет единой точки зрения. Часть исследователей связывает раскол с несовместимостью вождей РСДРП, с «диктаторством» Ленина, его «интриганством». Другие видят причину разногласий в разном понимании уровня развития капитализма в России. Ленин и большевики считали нужным вносить как революционное сознание, так и организующие начала в ход революционного процесса, они были за участие во Временном революционном правительстве с целью непосредственного перевода буржуазной революции в социалистическую. Меньшевики же выступали против ленинской установки на гегемонию пролетариата в буржуазной революции, о которой говорилось на III съезде РСДРП в 1905 г. Плеханов на следующем (объединительном) съезде говорил о том, что захват власти обязательен только тогда, когда мы делаем пролетарскую революцию. Что касается революции мелкобуржуазной, то от захвата власти можно и отказаться. Впоследствии, весной 1917 г., после провозглашения Лениным своих знаменитых «Апрельских тезисов», полемика примет более жёсткие формы. В статье «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает интересным» Плеханов обвинит своего оппонента в том, что он пребывает в фантастическом мире, «где нет ни чисел, ни месяцев, а есть чёрт знает что такое...», и вновь выступит за буржуазную республику и за союз социалистических партий с буржуазными для выработки цивилизованных отношений труда и капитала¹.

¹ См.: Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). — М., 2000. — С. 231.

Один из крупных специалистов по истории меньшевизма С. В. Тютюкин обращает внимание на то, что у меньшевиков и большевиков были и чисто психологические различия, разные типы социального поведения. Для первых «были характерны, например, большая осмотрительность и осторожность в действиях, склонность к рефлексии, быстрая смена настроений, недостаток волевого начала, нравственная щепетильность. Вторых же отличала известная прямолинейность взглядов и поступков, нетерпеливость и напористость, большая самоуверенность, тяготение к командным методам руководства, неразборчивость в средствах достижения цели»¹.

Многие годы одной из аксиом советской историографии был тезис о том, что главной опорой меньшевизма в пролетарском движении являлась рабочая аристократия — тончайший привилегированный слой высококвалифицированных, хорошо оплачиваемых и реформистски настроенных рабочих, которые стояли как бы на границе между пролетариатом и мелкой буржуазией. Однако, по мнению С. В. Тютюкина, это суждение требует корректировки, поскольку тенденция к формированию рабочей аристократии в России так и осталась к 1917 г. до конца не реализованной, причём верхушка российского пролетариата тянулась не столько к меньшевикам, сколько к монархистам².

Различия в подходах к марксизму большевиков и меньшевиков также отражали те расколы и разломы в политической культуре России, которые проявлялись в деятельности и других политических партий. Да и сам марксизм в силу присущей ему противоречивости — гуманистическая направленность в сочетании с возможностью применения революционного насилия — давал возможность разного осмысления его постулатов. При этом сам Ленин и его сторонники тяготели к синтезу марксизма с русской радикально-революционной мыслью в самых крайних её формах, тогда как меньшевики, оставаясь революционерами, стремились к консолидации революционных и либерально-демократических сил российского общества и к более осторожным, компромиссным решениям тактических вопросов.

● ● ● *Роль В. И. Ленина в Великой российской революции*

Оценка роли и места Владимира Ильича Ленина в Великой российской революции неоднократно менялась. В полном согласии с известными строчками поэта о том, что «коротка и до последних мгновений нам известна жизнь Ульянова. Но долгую жизнь товарища Ленина надо писать и описывать заново», биографию вождя большевиков переписывали неоднократно. В апологетических трудах советского периода Ленин представлялся не только как вождь мировой революции, но и как

¹ См.: История политических партий России. — М., 1994. — С. 219.

² Там же. — С. 222.

гениальный теоретик, продолжатель дела Маркса и Энгельса. Правда, ещё в 1920-е гг. философ А. Деборин писал о том, что «Плеханов прежде всего теоретик, Ленин же прежде всего — практик, политик, вождь»¹. Уже в позднесоветское время на фоне бесконечно повторяющегося образа мудрого революционного вождя утверждалось представление о том, что Ленин в первую очередь практик и всё, что он внёс в марксистскую теорию, преимущественно относится к сфере практического действия. Что же касается теории, тем более политической философии марксизма, то, по мнению ряда исследователей, ленинский вклад здесь исчезающе мал, если вообще имеет место². С момента горбачёвской гласности появилось много данных и оценок, отсутствовавших или приводившихся неполно в прежних работах на данную тему. В том числе и печально знаменитое, строго секретное ленинское письмо В. М. Молотову о расстреле священнослужителей и др. Только в вышедшем в 2000-х гг. сборнике «В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891—1922 гг.» было помещено 332 документа, которые ранее по тем или иным причинам не публиковались. Они позволили серьёзно скорректировать созданный официальной советской пропагандой сугубо нейтральный образ вождя мировой революции и уточнить крайне противоречивые характеристики Ленина, оставленные современниками.

В спорах о Ленине последних лет с особой силой отразились противоречия, победы и поражения XX столетия. Некоторые критики Ленина считают сегодня, что главной целью его деятельности был захват и удержание власти, другие — что стремлением всей его жизни было осчастливить человечество, по крайней мере его трудящуюся часть, уничтожив при этом его другую часть («богачей», священнослужителей, свободомыслящую интеллигенцию и др.). С точки зрения Д. А. Волкогонова, Ленин — один из крупнейших якобинцев, которых знало человечество, источник всех бед России в XX в.³

При всей крайности сегодняшних оценок деятельности Ленина очевидно, что он действительно «оставил несмываемые временем следы». Или, как утверждает французский историк Элен Каррер д'Анкост: «хотим мы того или нет, XX век находился прежде всего под властью его идей и его воли»⁴. По мнению Г. Норта, «именно Ленину Маркс обязан своей известностью, Ленин обязан Марксу своей репутацией в гораздо меньшей степени... успех марксизма был основан на организационном таланте Ленина»⁵. Сегодня также мало сомнений

¹ Деборин А. Ленин как мыслитель. — М., 1929. — С. 26.

² См.: Пантин И. К. В. И. Ленин: философия политического действия // Русский марксизм. — М., 2013.

³ См.: Волкогонов Д. А. Ещё о Ленине // Этюды о времени. — М., 1998. — С. 150.

⁴ Каррер д'Анкост Э. Ленин / Пер. с франц. — М., 2002. — С. 8.

⁵ Норт Г. Марксова религия революции. Возрождение через хаос. — Екатеринбург, 1994. — С. 5, 13.

в том, что он главный организационный и интеллектуальный двигатель Октябрьского переворота. Человек, без которого, как заявлял Л. Троцкий, Октябрьская революция бы не совершилась.

Поэтому сегодня важно понять, как и почему Ленин пришёл к марксизму, к революционной деятельности, объяснить в свете трагических исторических итогов великого социального эксперимента XX в. причины и обстоятельства, которые прямо или косвенно обусловили неудачу ленинского проекта.

Многие биографы Ленина отмечают, что в выборе революционного пути огромную роль сыграла трагическая смерть старшего брата А. И. Ульянова, казнённого за попытку покушения на царя. Не случись в семье Ульяновых этого несчастья, возможно, он сделал бы выдающуюся карьеру в царской администрации. Далеко не случайно Александр называл младшего брата «наш карьерист».

Безусловно, это не единственный повод для борьбы с самодержавием, но главным и определяющим стала казнь брата. По мнению биографов, на то, что Ленин обратил свой взгляд на марксизм, повлияло несколько обстоятельств. Во-первых, фундаментальность марксизма, его способность дать ответы на глубокие мировоззренческие вопросы. Во-вторых, его «готовность» служить теоретической базой для практических действий. Актуальность революции — вот коренная идея Ленина и одновременно тот пункт, который связывает его с Марксом. Для Ленина это означало, что революция для рабочего движения уже стала вопросом сегодняшнего дня, так как марксизм, с позиции его апологетов, как теоретическое выражение освободительной борьбы пролетариата мог быть осознан и сформулирован не раньше, чем когда его практическая актуальность уже будет поставлена на повестку дня истории. В тот момент, когда в нищете пролетариата, говоря словами Маркса, стала явственно различима не только нищета, но и революционная сторона, способная свергнуть старое общество, развитие капитализма сделало пролетарскую революцию таким текущим вопросом. Молодой Ленин рвался в бой, времени на разработку теории у него не было, да и, как видно из последующих его действий, теорией он занимался только тогда, когда этого требовала практика. К тому же, выбирая варианты политической борьбы, Ленин всегда ориентировался на тот, в котором у него были перспективы стать лидером.

После того как в декабре 1887 г. первокурсник юрфака Казанского университета Ульянов был арестован за участие в студенческой сходке и выслан в деревню Кокушкино, он написал первые крупные работы, в которых уже трактовал марксизм как единственно верную революционную теорию и проводил мысль о необходимости его творческого развития и применения к российским условиям.

Для понимания влияния политической деятельности Ленина на судьбу России, да и его собственную, следует остановиться на некоторых ключевых выводах его теоретических работ.

Ещё находясь в ссылке в Енисейской губернии, Ленин в 1898 г. на основе исследований самых разных авторов и огромного количества данных земской статистики написал книгу «Развитие капитализма в России». В ней Ленин пришёл к выводу: русская деревня уже распалась на кулаков, середняков и бедняков. Капитализм уже утвердился. Из этого главного итога своей книги Ленин потом выведет серьёзное следствие. Предстоящая русская буржуазная революция может перерости в революцию социалистическую, раз в городе и в деревне есть пролетариат. Главный союзник рабочих — крестьянская беднота. На самом деле выводы о резком расслоении крестьянства, что составило суть будущей ленинской концепции социалистической революции в деревне и её социалистического переустройства, являлись глубоко надуманными, утопическими. Основную черту жизни деревни, как доказано исследованиями последних лет, составлял её переход от Средневековья к Новому времени, заключавшийся в борьбе общинного колlettivизма с буржуазным прагматизмом. Именно это показала революция 1905 г. Обращения ленинцев «к крестьянской бедноте» и обещания вернуть «отрезки» никого не трогали. Крестьяне выступали все вместе — требовали национализации всей земли («земля — божья») как первого условия её последующего справедливого дележа. Ленинская партия оказалась на обочине, чуждой для главной силы революции — крестьянства. Возможность возглавить крестьянскую революцию не была использована большевиками. И виновником был Ленин с его оценкой капитализма в деревне. Ленину после поражения революции пришлось признать ошибочность своей аграрной программы 1903 г. и полностью её пересмотреть. Чтобы завоевать крестьянство, он, не колеблясь, берёт программу эсеров и кладёт собранные эсерами наказы крестьян в основу Декрета о земле. Всегда, когда у него возникали проблемы, он прежде всего «советовался» с Марксом. Однако, как и многие русские революционеры, Ленин недолго оставался ортодоксальным марксистом. Всё, чем располагала теоретическая марксистская мысль к началу XX в., было представлено ещё в первой программе российских социал-демократов. Уже события 1905 г. показали глубину противоречий между тщательно разработанной на основе трудов Маркса российскими социал-демократами теоретической моделью и политической реальностью. И Ленин, и Троцкий обнаружили существование важных несовпадений теории и практики. Они отреагировали на них выдвижением новых программ, подогнанных под особые российские условия, выявленные в ходе революции. Опыт революции 1905 г. привёл Троцкого к созданию теории перманентной революции, согласно которой социалистическая революция должна последовать вскоре после свержения абсолютизма. Ленин в свою очередь в работах «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» разрабатывает теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Согласно этой теории буржуазно-демократическая

и социалистическая революции являются двумя звенями одной цепи. Более того, они рассматриваются Лениным как единый процесс.

В 1914—1915 гг. теоретические взгляды Ленина претерпевают ещё более серьёзные изменения. Отправной пункт переосмыслиния Лениным теоретических позиций — неудовлетворённость версиями марксистского учения, господствовавшими во II Интернационале, прежде всего недооценкой или игнорированием диалектики как «живой души» марксизма. Известен афоризм Ленина из «Философских тетрадей»: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его первой главы, не проштудировав и не поняв всей «Логики» Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя»¹. Ленин, очевидно, благодаря внимательному чтению «Логики» Гегеля понял, распознал уникальную возможность для российской революции. Если Бернштейн и другие вожди II Интернационала отодвигали социализм в туманные дали будущего, то он сделал вывод, что социализм стоит у дверей, он уже на посткрайне дня человечества. Главной практической целью жизни Ленина стало отныне добиться революции в России, независимо от того, созрели или нет там материальные условия для новых производственных отношений.

Ленин смог сыграть выдающуюся роль в событиях 1917 г. благодаря стечению целого ряда обстоятельств. Важнейшее из них — сама революционная эпоха, которая по определению предполагает различные варианты развития событий, когда соотношение общественных сил подвержено большим колебаниям. И в этих условиях огромное значение приобретают личностные качества политиков, их готовность к решительным действиям.

Хотя многие современники и историки отказывают Ленину в наличии харизмы, считая его чёрствым, эгоистичным человеком и даже бездарным политиком², он, безусловно, обладал необходимыми качествами лидера революционной эпохи, талантом революционера-разрушителя. Ленин был фанатично предан коммунистической идеи. Обосновав с помощью марксизма пролетарский и социалистический характер будущей революции, Ленин в 1917 г. ощущал себя человеком, владеющим истиной, и это давало ему моральное право диктовать соратникам свою линию поведения. Часто оставаясь в меньшинстве (как это было в вопросе с Брестским миром), он постоянно навязывал большинству партийного руководства свои решения.

В ленинской интерпретации главное в марксизме — диктатура пролетариата, где ключевое слово именно «диктатура», т. е. ничем не ограниченная власть. Не случайно уже на II съезде «твёрдым» марксистам во главе с Лениным удалось добиться включения тезиса о диктатуре пролетариата в программу

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. — Т. 29. — М., 1958—1965. — С. 301.

² См.: Отечественная история. — 2007. — № 6. — С. 192.

РСДРП. Большевизм как фундаменталистское политическое течение проявил себя на съезде благодаря Ленину. В итоге диктатура пролетариата оказалась властью не рабочего класса, и даже не его партии, а лишь узкого круга партийных вождей, а «демократический централизм» стал нормой партийной и всей общественной жизни.

В этой связи нелишне отметить, что Маркс и Энгельс истолковывали диктатуру пролетариата не столько как насилиственное подавление одного класса другим классом, сколько как завоевание рабочим классом самой широкой политической демократии. Будучи властью большинства, диктатура пролетариата в понимании основоположников марксизма принципиально не нуждалась в диктаторском режиме и, следовательно, должна была строиться на основе всеобщего избирательного права и разделения властей.

Ещё одно важное обстоятельство возвышения Ленина — отсутствие у политических соперников большевиков лидеров равного масштаба. Даже непримиримые противники Ленина были вынуждены признать, что в революционный период в России не было вождей, которые бы превосходили его по уверенности в себе, по готовности отречься от всего и перешагнуть через всё ради достижения своей цели. Выдвигая простые и доходчивые лозунги, Ленин смог увлечь и повести за собой массы. К примеру, уловив в настроении масс желание мира любой ценой, Ленин пошёл на подписание «похабного» мира с Германией. Популистский лозунг о праве наций на самоопределение потребовался Ленину для революционизации российских окраин. Неслучайно идея самоопределения шла в одном пакете с идеей добровольного союза свободных республик. Большевистский Октябрь в полном смысле слова был его детищем, хотя, как считают некоторые историки, он мог состояться и без Ленина, но подлинным вождём большевизма и тех рабочих, солдат, крестьян и представителей интеллигенции, которые шли тогда за большевиками, был именно Ленин.

• • • *Периодизация Великой российской революции*

Весь опыт мировой истории свидетельствует о том, что каждая великая (классическая) революция в своём развитии проходит через определённые этапы, которые известны историкам со времён европейских революций XVIII—XIX вв. За жирондой неизбежно следуют якобинцы, по мере развития революции происходит становление террора (белого или красного), одновременно нарастает разруха, хаос, и, наконец, приходит черёд диктатуры, которая в итоге пожирает самих творцов революции. Общепризнанно, что Великая российская революция развивалась по классическим канонам, проходя аналогичные этапы, с поправкой на отечественную специфику. Революционные события 1917 г. включили в себя свержение царизма, провозглашение России демократической республикой, установление

и упрочение советской власти и Гражданскую войну, которая восполнила массовым кровопролитием почти бескровный характер событий 1917 г.

С момента Великой российской революции в историографии постепенно сложились оценки и суждения относительно характера и своеобразия каждого из её этапов; со временем они по разным причинам, в том числе конъюнктурным, неоднократно менялись, причём нередко на противоположные. По справедливому суждению известного историка революции В. П. Булдакова, «задача всякой революции — не просто перевернуть мир, а подстроить реальность под более вдохновляющий миф»¹. И это вполне закономерно. Вопрос о периодизации Великой российской революции непосредственно связан с рядом других принципиальных вопросов её истории, затрагивающих интересы властных кругов. Первый из них: Февраль и Октябрь — насколько они случайны? В чём их исторический смысл? Почему произошёл разрыв линии общественного развития? Был ли неизбежен Октябрь 1917 г.? Носил ли он социалистический характер? Заслуживают внимания и другие, не менее важные вопросы: о генетической связи событий 1905—1907 гг. и 1917 г., о роли Николая II в крахе имперской государственности или роли Ленина и большевистской партии в создании советской и т. д.

Как уже отмечалось выше, в новом Историко-культурном стандарте речь идёт о единой Великой российской революции 1917 г. Таким образом, целесообразно говорить не о двух революциях, как это было принято ранее, а о февральском и октябрьском её этапах, которые неразрывно связаны между собой, вытекают один из другого. Оба этапа имели в основном одних и тех же главных действующих лиц. К сожалению, в исторической литературе, посвящённой революции 1917 г., нет однозначного ответа на вопрос о своеобразии этих этапов. Слишком ещё мала историческая дистанция, слишком сложен предмет исследования. Несмотря на все достижения исторической науки последнего времени и усиленный поиск новых подходов, коренного пересмотра концепций революции и Гражданской войны пока не произошло². По мнению В. П. Булдакова, выносить «решающие» оценки Октябрьской революции ещё рано. То, что мы сегодня имеем, утверждает историк, это чисто коммеморативная историография, т. е. набор эмоциональных, включая истеричные, реакций на «юбилейную» дату с позиций современности. Всё это не ново. Опыт историографии Французской революции показывает, что все коммеморативные акции (50-,

¹ Булдаков В. П. Революция и мифотворчество: коллизии современного исторического воображения // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сб. ст. — М., 2012. — С. 63.

² См.: Пушкирева И. М. Февральская революция 1917 г. в России: проблемы историографии 90-х гг. XX века // Россия в XX веке. Реформы и революции. В 2 т. — Т. 1. — М., 2002. — С. 185.

100-, 150- и, наконец, 200-летие) даже в среде выдающихся профессиональных историков вызывали неоднозначные реакции¹. В литературе о характере февральского и октябрьского этапов (многие исследователи продолжают считать их отдельными революциями) сложилось несколько различных точек зрения. Ещё современники революции серьёзно расходились по этим вопросам, хотя и парадоксальным образом соглашались в том, что «триумфальный» Октябрь заслонил и отодвинул Февральскую революцию даже не на второй, а на третий план. Для лидеров большевиков Февраль — это пролог Октября. Л. Троцкий, к примеру, считал, что история Февральской революции есть история того, как октябрьское ядро освобождалось от своих соглашательских оболочек. По мнению лидера кадетов П. Милюкова, «Октябрь — неизбежное и естественное продолжение Февраля... так как пройти все стадии — от умеренных до крайних — участь любой настоящей революции». Один из наиболее заметных выразителей так называемого революционного сознания, считавших большевистскую революцию закономерным результатом истории России и называвших её «революцией народной», русский эмигрант Фёдор Степун недолго до смерти писал: «Противопоставлять «Февраль» «Октябрю» как два периода революции, как всенародную революцию — партийно-заговорческому срыву её... конечно нельзя. «Октябрь» родился не после «Февраля», а вместе с ним, может быть даже раньше его. Ленину потому только и удалось победить Керенского, что в русской революции порыв к свободе с самого начала таил в себе и волю к разрушению»².

Когда в конце 1930-х гг. в советской историографии окончательно утвердилась ленинская концепция революционного движения в её сталинской интерпретации, октябрьские события трактовались как «торжество ленинско-сталинской, большевистской партии и крах тех, кто ей противостоял»³. До раз渲ала СССР февральский этап революции продолжал оставаться в плenу идеологических установок и, по существу, в тени летописи Октября 1917 г., хотя в «Кратком курсе истории ВКП(б)» история Октября была фальсифицирована не в меньшей степени, чем история Февраля и Гражданской войны. Руководство подготовкой к октябрьскому перевороту было приписано Сталину, среди военных руководителей фигурировали лишь Фрунзе, Ворошилов и Будённый, в то время как упоминания о большинстве членов Реввоенсовета, включая Л. Троцкого, отсутствовали⁴.

¹ См.: Булдаков В. П. Революция и мифотворчество: коллизии современного исторического воображения // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сб. ст. — М., 2012. — С. 63.

² Степун Ф. А. Избранные труды. — М., 2010. — С. 311.

³ См.: Драма российской истории: большевики и революция. — М., 2002. — С. 12.

⁴ Там же. — С. 13.

Вопрос о месте и сущности каждого этапа в российской революции и сегодня весьма актуален, поскольку ответ на него позволяет объективно говорить о целях, к которым стремились революционеры, судить об успехе или провале их начинаний. Исследуя февральские события, большинство современных авторов стоит на позициях, согласно которым они случайны по тем конкретным обстоятельствам, в которых они произошли. И в этом можно усмотреть главное отличие февральского этапа революции от октябрябрьского. Так называемую Февральскую революцию технически не готовила ни одна партия или организация. Она разразилась неожиданно и для властей, и для оппозиционных сил. Живший в эмиграции лидер большевиков В. И. Ленин ещё в январе 1917 г. не был уверен, что доживёт до грядущей революции.

Согласно противоположной точке зрения, в своё время высказанной Керенским, Февраль был неминуем. Но не столько из-за объективных трудностей, которые страна испытывала до войны, сколько потому, что наверху, в оппозиционных кругах, к началу 1917 г. прочно и окончательно уверили себя: «Иного не дано»¹.

••• ● **Февральский этап Великой российской революции**

Среди тем и проблем февральского этапа революции, подвергнутых «ревизии» в последнее десятилетие, главный вопрос о характере, сущности событий. Следует ли рассматривать Февраль как продолжение демократической революции в России, начавшейся в 1905—1907 гг., или он простое следствие тягот Первой мировой войны, болезненная реакция общества на неё? Иными словами, февральско-мартовское выступление закономерно или случайно? В поисках ответа на эти вопросы историки вновь обратили внимание на события февраля—марта 1917 г. Дело в том, что за прошедшие десятилетия в этом вопросе накопилось не меньше мифов, чем вокруг октябрябрьско-ноябрьских событий того же 1917 г. По «Краткому курсу истории ВКП(б)» началом Февральной революции считается дата 18 февраля — начало стачки на Путиловском заводе. Во времена Хрущёва некоторые историки предлагали заменить 18 февраля на 17 февраля, так как забастовка началась в этот день в отдельных цехах Путиловского завода. В 1970-е гг. авторы работ по истории Февральной революции были озабочены преимущественно одним: иллюстрированием постепенного большевистского «прозрения» солдат. Поэтому советская историография считала началом революции 23 февраля, когда число демонстраций в столице достигло пика.

В годы перестройки февральско-мартовский социальный взрыв вновь оказался в центре дискуссий. Закономерно, что

¹ См.: Свободная мысль. — 2007. — № 2. — С. 200.

новое прочтение источников начали зарубежные учёные. Так, Л. Хаймсон, проанализировав архивные материалы о восстании рабочих Выборгской стороны, казалось бы, подтвердил положения советской историографии о значительной «сознательности» массового движения. Однако фактически западный историк вкладывал в понятие «сознательности» рабочих иное содержание, нежели было принято в советской историографии, связывавшей её с деятельностью большевиков. По мнению Л. Хаймсона, «сознательность» рабочих Петрограда — результат «школы забастовок» 1905 г. Февральскую революцию он не случайно назвал «спонтанным феноменом», поскольку «ни одна политическая партия не могла предвидеть её начало», а её началом предлагал считать 27 февраля, когда толпы рабочих пришли к Таврическому дворцу, чтобы поддержать Временный комитет Государственной думы¹.

Другие зарубежные исследователи (Ц. Хасегава, Д. Лонгли и Д. Нойберг), придавая большое значение в рабочих демонстрациях действиям толпы, не видят ничего «политического» в выступлениях народа на улицах столицы. Безусловно, хулиганские действия отдельных участников событий, разгромы лавок и пр. не были определяющей чертой движения. Действия восставших масс весной 1917 г. носили неоднородный характер. К победе восстания привело не только всеобщее «одичание» народа (точка зрения В. П. Булдакова и других сторонников охлократической природы февральских событий), но и политические демонстрации рабочих, в которых «растворились» восставшие солдаты. Имела значение и работа политических партий по формированию политического сознания, осмысления людьми необходимости участия в революции. По данным И. П. Лейбера, с октября 1916 г. по февраль 1917 г. большевики с меньшевиками, эсерами-трудовиками и межрайонцами входили в единый межпартийный Информационный центр. В нём рассматривался вопрос о создании Временного правительства. В дни восстания представители всех этих партий участвовали в демонстрациях и митингах. 27 февраля они оказались в нужном месте, где решалась судьба революции, — в Таврическом дворце. И хотя господствовавшая в прошлом точка зрения об особой роли большевиков не вполне справедлива (только их численность в 24 тыс. была, по последним подсчётом, завышена в 2—3 раза), фактор их воздействия на массы также не следует сбрасывать со счетов. Победа партии Ленина была бы невозможна без стихийного большевизма солдат.

Практически ни один профессиональный исследователь не является сторонником конспирологических версий происхождения революции. Подавляющее большинство отечественных историков считает её исключительно российским феноменом.

¹ См.: Пушкирева И. М. Февральская революция 1917 г. в России: проблемы историографии 90-х гг. XX века // Россия в XX веке. Реформы и революции: В 2 т. — Т. 1. — М., 2002. — С. 258.

Российский характер этой революции определялся специфическим набором причин и противоречий, её породивших, менталитетом и типом поведения участников революции, их вождей. Здесь тесно переплелись антифеодальные и антикапиталистические, общедемократические и узкоклассовые интересы. В этом революционном процессе своё место смогли найти и буржуазия, и средние, и угнетаемые (полупролетарские и пролетарские) классы. Разные отряды революции при разработке программ обновления общества опирались то на принципы общинности (крестьянство, эсеры), то на опыт передовой демократии и высшие формы капитализма на Западе (предпринимательские круги, кадеты), то на коммунистические утопии (отдельные отряды рабочих, социал-демократы). И все претендовали на руководство движением. Для такой революции, перегруженной внутренними фронтами борьбы, главной опасностью было перерождение, кровавый разлад между её участниками.

Старая власть пала весной 1917 г. вполне закономерно, исчерпав свои созидательные силы и возможности, окончательно подорванные Первой мировой войной. Крах монархии явился результатом её системного кризиса и составной частью краха империи старого типа в условиях мировой войны. От Николая II буквально отшатнулись и высший генералитет, и верхушка бюрократии, и большинство иерархов Русской православной церкви, а младший брат царя Михаил, которому Николай II хотел передать права на престол, отложил решение этого вопроса до созыва Учредительного собрания. Да и сам император счёл за благо не цепляться за свои венценосные права и отдал себя и свою семью в руки возникшей в ходе революции новой российской власти. В противовес определённой идеализации личности Николая II в современных исследованиях получила подкрепление точка зрения К. Ф. Шацилло, утверждавшего в предисловии к опубликованным дневникам царя, что Николай II сам загнал себя в подвал ипатьевского дома. В сложной обстановке войны царь удивительным образом устранился от умных и деятельных министров, ориентируясь только на людей, преданных ему лично. Как отмечают некоторые историки, окружение Николая II так и не смогло создать даже идеологическое обоснование войны как «отечественной», ориентируя народ только на верность монарху. В результате кризис власти привёл к революции, а причиной кризиса была неспособность (да и нежелание) царского режима возглавить и последовательно проводить реформы, необходимые для экономического и социального развития страны.

В этой связи следует обратить внимание на понимание современными историками и роли Г. Распутина. Миф о Распутине появился давно, и связан он с дешёвыми изданиями периода Первой мировой войны, с муссирующимися слухами, рассчитанными на неискушённых в политике людей, живо воспринимавших рассказы о «тёмных силах», окруживших царский трон, о «шпионах и предателях во главе с немкой императрицей». Образ Распутина эксплуатировался и левыми и правыми в своих целях. Эти мифы давно требовали разоблачения, что и было

сделано А. Н. Бохановым, доказавшим в своей книге, что его роль в политической жизни высшего петербургского общества сильно преувеличена¹. Однако, по мнению И. М. Пушкиревой, будучи увлечённым Романовыми, Боханов всё же оставил без внимания камарилью, к которой принадлежал Распутин. Этот ближайший круг приближённых к царю лиц, к которому примыкали некоторые министры (А. Д. Протопопов, Б. В. Штурмер, И. Л. Горемыкин), из-за усиления кризиса верхов приобрёл большое влияние на государственные дела. А в любом обществе камарилья указывает на слабость правителя; в камарилью, как правило, входят люди, не превышающие «по своему уровню самого монарха»².

Закономерно, что в современной литературе также получил освещение вопрос о характере государственного строя в канун февральских событий. Как и во многих других вопросах, связанных с историей революции, здесь присутствует несколько точек зрения.

Первая сводится к тому, что на этот вопрос в принципе нельзя получить однозначный ответ. Сторонники другой утверждают, что Россия в последнее десятилетие перед Февралём уже была конституционной монархией, а следовательно, и буржуазия правила в стране не только экономически, но и политически. Но это скорее эмоциональная оценка. Очевидно, что в действительности Россия в предреволюционный период управлялась в основном методами, характерными для самодержавной монархии, и население империи вряд ли ощущало в обыденной жизни наличие конституции и Думы.

Гораздо больше согласия в вопросе о зависимости революции от войны. Большинство современных историков считает войну «главным режиссёром» Февраля. Война «пошла на пользу» всем партиям социалистической ориентации, несмотря на их дифференциацию и даже на раскол внутри партий социалистов, на появление оборонческого направления центристов и левых интернационалистов в российском социалистическом движении. Это нашло отражение в практической деятельности всех социалистов в ходе Февральской революции. Правда, некоторые историки видят в этой концепции наследие советской историографии, так как такая постановка вопроса предполагает неизбежность революции и тем самым исключается проблема альтернативности развития событий.

Более важным для всего послереволюционного развития России и судьбы советской системы представляется вопрос о том, насколько неизбежен был революционный взрыв. Произошла ли революция 1917 г. закономерно, или она спровоцирована тяготами мировой войны?

¹ См.: *Боханов А. Н.* Правда о Григории Распутине. — М., 2011.

² *Пушкирева И. М.* Февральская революция 1917 г. в России: проблемы историографии 90-х гг. XX века // Россия в XX веке. Реформы и революции: В 2 т. — Т. 1. — М., 2002. — С. 254.

С позиций сегодняшнего знания очевидно, что к началу XX в. многие ограничители развития страны были уже сняты, предпринимательские слои всё больше брали модернизацию в свои руки, а государство частично уходило из этой сферы. Однако последовательный переход к конституционной монархии не был осуществлён, программа Столыпина была реализована лишь в малой степени и т. д. Поэтому, несмотря на то что есть достаточно много аргументов в пользу того, что революция 1917 г. есть результат неблагоприятного стечения обстоятельств, есть также достаточно оснований видеть неизбежность революционного взрыва в ограниченности предшествовавшей революции модернизации. Действительно, начало Первой мировой войны «обрушило» долгосрочную перспективу модернизации. Но никто не будет отрицать факт критической концентрации групп противоречий, провоцирующих социальный взрыв в канун войны, идущих как от патриархального российского наследия, так и от непоследовательности модернизации экономики страны. Иными словами, успешное развитие России становилось зависимым от многих приводящих обстоятельств: под этим углом зрения революция в России не случайна. Не война, так что-то иное спровоцировало бы социальный взрыв.

Гораздо больше современные исследователи революции расходятся в оценках итогов деятельности Временного правительства и соответственно в общей оценке февральского этапа революции. По мере критического пересмотра накопленного историографией в предыдущие годы фактического материала исследователи вновь обратили внимание на, казалось бы, уже давно отработанные сюжеты и темы, уточняя и углубляя прежние представления.

Прежде всего это касается вопроса о непосредственных причинах февральских выступлений и особенно роли субъективного фактора. Сегодня для ряда историков главная причина февральских событий видится в конфликте новых социальных условий, связанных с появлением массового общества и архаичной политической надстройкой российского государства и обусловленной этим обстоятельством неадекватной реакцией правительства на создавшуюся ситуацию¹. Николая II неоднократно предупреждали о назревании революции. 3 декабря 1916 г. по поручению ряда членов царской семьи великий князь Павел Александрович даже советовал императору скорее даровать конституцию или хотя бы правительство, пользующееся поддержкой Думы. Николай II в конце 1916 г. не согласился на ответственное перед Думой правительство и на конституцию, так как считал, что надёжнее и целесообразнее сохранять существующее положение, чем ринуться во время войны в радикальные преобразования, которые могут обернуться не-

¹ См.: Февральская революция 1917 года в российской истории. Круглый стол 15 марта 2007 г. // Отечественная история. — 2007. — № 5. — С. 3.

контролируемым развитием событий. Главное, что царь не считал кадетов, октябристов и умеренных социалистов той реальной силой, которой следовало отдать власть. Царское правительство, по мнению Р. Ш. Ганелина и М. Ф. Флоринского, никогда не имело никакой чёткой политической программы. Незыблемость самодержавия лежала в основе его функционирования. Именно этот принцип стал в годы войны причиной конфликта, разразившегося между царём и министрами («бунт министров»), когда Николай II «победил» влиятельных и компетентных сановников, не создав правительства доверия из числа пользующихся поддержкой Государственной думы министров. Как писали современники в 1916 г., правительство и «верхи» общества накануне Февральской революции стали представлять собой «два враждебных лагеря».

Исследования Ю. И. Кирьянова показывают, что самодержавие отказалось, по существу, от такой массовой идеологической поддержки, какую могли обеспечить крайние правые партии, численность которых была значительна. К 1916 г. она составляла около 45 тыс. членов (в 1906 г. — 405 тыс.). Причины падения престижа правых партий заключались, по мнению одного из правых лидеров, в том, что «идея конституции — в образе Государственной думы — победила идею самодержавия в лице Союза русского народа»¹.

Давая оценку деятельности Временного правительства, большинство историков сходятся во мнении, что к власти пришли люди совершенно не государственного склада ума. По мнению А. Н. Медушевского, Февральская революция, превратив Россию в политическом отношении в одну из самых передовых стран мира, не разрешила основных социальных, экономических и межнациональных противоречий в стране. Аналогичной точки зрения придерживается и С. В. Тютюкин. По его мнению, в обстановке хозяйственного кризиса и продолжающейся мировой войны, вырвать из которой Россию Временное правительство оказалось не в состоянии, его министры, в том числе и министры-социалисты, оказались неспособны ни радикально решить вопросы о мире, земле и снабжении фронта и тыла всем необходимым, без чего успокоить народную стихию в 1917 г. было невозможно, ни конституционно легитимизировать себя на всенародно избранном и оперативно созванном собрании, ни своевременно изолировать от общества леворадикальные элементы в лице большевиков, левых эсеров и анархистов.

Не выходя из правового поля, решить насущные задачи демократическим путём оказалось невозможно, а отважиться на такие решительные шаги, как заключение сепаратного мира, безвозмездная передача земли крестьянам, бесперебойное снабжение населения продовольствием и т. п., Временное

¹ Кирьянов Ю. И. Численность и состав правых партий в России в 1914—1917 гг. // Россия и Первая мировая война. — СПб., 1999. — С. 221.

правительство так и не смогло: для этого нужно было нарушить обязательства России перед союзниками по Антанте и радикально пересмотреть вопросы собственности.

Продолжающаяся война и развал экономики способствовали радикализации широких слоёв населения. Рабочие, фактически ничего не получив от новой власти, кроме свободы на бумаге, вновь приняли активное участие в массовых забастовках. С каждым месяцем нарастало стихийное крестьянское движение. Временное правительство решилось лишь на конфискацию земель, лесов и озёр, принадлежавших царю и царской семье. Главный земельный комитет неспешно разрабатывал принципы будущей аграрной реформы. Лишь к осени планировалось завершить разработку закона о земле и передать его на утверждение Учредительного собрания. Попытки крестьян захватить брошенные помещичьи земли оценивались министром земледелия как «самоуправство».

Февральский этап революции сформировал важнейшую особенность восприятия власти в массовом сознании. Падение монархии, явно себя исчерпавшей в том виде, в каком она себя пыталась позиционировать, одновременно означало и утрату сакральности всякой власти в России вообще. Для нашей страны с «магическим сознанием» (К. Поппер) для подавляющего большинства населения это приобретало, пожалуй, фатальное значение. Никакая другая власть уже не могла иметь былого авторитета, в том числе и большевики. Характерны рассуждения солдат, пошедших за большевиками: «Если Ленин обманет и мира не даст, мы его на одну верёвочку с Керенским повесим. Сила за нами, что захотим, то и сделаем». Обратный случай: многие крестьяне, голосуя на выборах в Учредительное собрание за большевиков, полагали, что голосуют за монархию, поскольку их политический опыт знал только две формы власти: монархию и Временное правительство.

До сих пор остаётся загадкой поведение Керенского в августе 1917 г., когда он обвинил генерала Л. Г. Корнилова в мятеже. По мнению Тютюкина, Керенский как глава Временного правительства не мог не понимать, что правительству нужно временно пойти на ряд непопулярных мер по ограничению демократии, используя для этого армию. Однако, как демократ и социалист он не мог не бояться диктатуры военных. К осени 1917 г. Керенский, которого ещё недавно называли «первой любовью революции», утратил доверие и патриотов (продолжался развал армии), и демократов, и социалистов и фактически без боя сдал власть большевикам.

● ● ● *Октябрьский этап Великой российской революции*

Советские историки, выполняя социальный заказ, объясняли законность власти большевиков, доказывали, что развитие капитализма в России неизбежно вело к революционным противоречиям и привело благодаря деятельности партии большевиков

(авангарда пролетариата) к победе этого последнего. Согласно официальной точке зрения заранее предвиденная, логически предсказуемая Октябрьская революция была исторической необходимостью, и Ленин был прав, призывая в октябре 1917 г. к вооружённому восстанию. В соответствии с ленинской трактовкой, высказанной им 25 октября 1917 г. в речи на заседании Петроградского Совета, Октябрьская революция долгое время считалась *революцией рабоче-крестьянской* (именно так и определил её Ленин), т. е. строилась на союзе пролетариата, полупролетариата, мелкой буржуазии и полубуржуазных (доброжуазных) мелких производителей (крестьян).

В советской историографии считалось, что в первую очередь революция была революцией буржуазной (буржуазно-демократической) по содержанию разрешаемых ею социально-экономических противоречий, но с точки зрения «коренного вопроса всякой революции» — вопроса о власти — оказалась революцией пролетарской.

Но вместе с тем уже в 1917 г. ряд современников, включая Мартова, Каутского и Розу Люксембург, отрицали мысль о том, что эта революция была исторической необходимостью, что она знаменует конец истории. Соответственно они не считали октябрьский переворот выражением воли русского народа, объясняя его успех только ловкостью руководителей — большевиков, почти военной дисциплиной их партии, а также некомпетентностью или слабостью их противников. Эта точка зрения, приравнивающая Октябрь к государственному перевороту, к военному путчу, впоследствии нашла отражение в работах западных историков, а затем и некоторых диссидентов.

В современной литературе определения причин (неизбежности), характера и последствий октябрьского и февральского этапов революции одинаково спорны. В целом последствия Октября не столь однозначны, как представляется некоторым авторам. Если в экономическом и культурном плане они могут быть оценены скорее как позитивные (хотя, возможно, другой режим смог бы более эффективно и менее болезненно ответить на индустриальный вызов), то в духовно-нравственном и политическом отношении они скорее деструктивны: из стран второго эшелона модернизации, «догоняющего типа», страна выпала в третий эшелон стран с сырьевой экономикой и коррумпированным государством¹.

Правда, согласно точке зрения историков, рассматривающих революцию 1917 г. под углом зрения имманентного кризисного течения истории, то, что сегодня «кажется цивилизационной катастрофой, на деле может быть проявлением естественного развития цивилизации»².

¹ См.: Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания. Круглый стол в ИРИ РАН 30 октября 2007 г. // Отечественная история. — 2008. — № 6. — С. 170.

² Там же. — С. 173.

В дискуссиях последнего времени вновь затрагивается вопрос о том, виновата ли во всём социалистическая идея, как таковая, или те специфические методы, которыми её пытались претворить в жизнь большевики после Октября 1917 г. Мнения полярны, а компромиссная точка зрения С. В. Тютюкина сводится к тому, что на этот вопрос всемирная история пока ответа не дала¹.

Как известно, Ленин и другие видные большевики довольно долго употребляли понятие «октябрьский переворот». «В последнее время, — как справедливо отмечает В. П. Булдаков, — слова «революция» и «переворот» вдруг обрели некую ценностную коннотацию, хотя этимологически разницы между ними нет. Революция — это хорошо, потому что она вроде бы что-то может дать, а переворот — это плохо, потому что он ничего не рождает, кроме новой, непременно дурной, власти. Но на самом деле любая революция вообще ничего «не даёт» в обыденном, материальном смысле слова — она лишь частично удовлетворяет чувство мести. Наша революция не могла дать массам ничего насущно-материального по определению, ибо хаос системного кризиса империи, в который она была вписана, ничего материального не производил. Он давал лишь кратковременную иллюзию свободы и возможность пограбить под красными знамёнами»². Большеевики пришли к власти, перехватив демократические лозунги Февраля. Благодаря этому они и получили поддержку широких общественных слоёв.

Сегодня, как считают некоторые исследователи, нет основания считать Октябрь 1917 г. более высоким и закономерным этапом единой российской революции. Граница между Февралём и Октябрём не столь очевидна, как в своё время представляла официальная советская историография. В целом можно даже сказать, что для общества настоящей переменой был Февраль. Во многих областях перемены, традиционно приписываемые власти большевиков, произошли до октябрьских событий. Так, в деревне крестьяне ещё до лета 1917 г. захватили часть земли и сельскохозяйственного инвентаря. На заводах заводские комитеты (фабкомы) организовали контроль за производством и даже ввели самоуправление на более чем 500 мелких и средних предприятиях.

Если посмотреть в цивилизационном плане, то Февраль довершает процесс, начатый революцией 1905—1907 гг. Как бы мы сегодня критически ни оценивали деятелей Февраля 1917 г., как бы мы ни критиковали их за нерешительность, ошибки и глупости, следует признать, что Февраль хотя бы в теории снял главный ограничитель предыдущего цивилизационного развития Россия — отсутствие демократических свобод. Именно Февраль стал символом возвращения России на общечивилизационный, общемировой путь развития.

¹ См.: Отечественная история. — 2008. — № 6. — С. 172.

² Там же. — С. 174.

В современных дискуссиях историков также получил продолжение вопрос о возможной вариативности в развитии российской революции 1917 г. Как считает часть историков, в лице Учредительного собрания существовала реальная возможность преодолеть вакuum власти, возникший после Февраля. По мнению А. К. Соколова, если бы оно вовремя было собрано, события могли бы развиваться иначе. Быстрый созыв Учредительного собрания, возможно, позволил бы решить главный вопрос революции — о власти, провозгласить направления политики, решить вопрос о войне, приступить к аграрной реформе. В период после Февраля могли осуществиться различные варианты организации отношений между будущим Учредительным собранием и новой властью, в том числе сохранение власти и Учредительного собрания, и Советов. Однако соглашение о непредрешении основных вопросов жизни страны до созыва Учредительного собрания между думскими лидерами и Советом от 2 марта 1917 г. фактически парализовало деятельность Временного правительства. После знаменитых декретов II съезда Советов о мире и земле идея о созыве Учредительного собрания в условиях большевистской диктатуры потеряла политическую значимость. В этом контексте имеет право на жизнь мнение некоторых авторов, считающих, что суть октябрьского переворота — не допустить созыва Учредительного собрания, способного установить прочные конституционные основы новой государственности. Идея Учредительного собрания, по их мнению, объективно составляет основу легитимности любого правового политического режима, способного возникнуть в переходный период. Она закладывает основу договорной модели перехода к новому государственному устройству и создаёт тем самым инструмент достижения компромисса между политическими партиями в переходный период. Учредительное собрание могло обеспечить пусты не юридическую, но идеологическую преемственность между различными периодами российской истории и стадиями революционного процесса. Оно могло легитимировать путём демократических выборов новые институты государственной власти как внутри страны, так и за рубежом с точки зрения их оценки с позиций международного права.

Таким образом, с Учредительным собранием создавалась бы основа выхода из острого политического кризиса, вызванного войной и революцией, мирным путём, т. е. без Гражданской войны и террора. Все эти направления развития политической системы и были оборваны большевистским переворотом и последующим распуском Учредительного собрания. Смысл октябрьского переворота, сроки и методы его осуществления связаны, по мнению этой группы историков, с предстоящим созывом Учредительного собрания. Механизм этого предприятия (переворота), его замысла и осуществления состоит в следующем. Важнейший компонент переворота — осуществление подмены одного типа Конституанты, а именно Учредительного собрания, другим — Съездом Советов. Это первый элемент. Второй элемент — фальсификация Съезда Советов путём выборных

и иных махинаций таким образом, чтобы он выражал интересы только одной партии, а именно большевиков. Третий элемент — поставка Съезда Советов перед фактом совершения государственного переворота. И наконец, использование системы Советов для установления однопартийной диктатуры. Разогнав Учредительное собрание и не передав власть от Временного рабочего и крестьянского правительства законному правительству во главе с эсерами, которых поддержало большинство народа на выборах, партия Ленина предрешила и сползание страны в Гражданскую войну, и красный террор, и ГУЛАГ. Предрешило потому, что невозможно руководить демократической страной, если располагаешь поддержкой только 22—24% избирателей¹.

Вопрос о целях большевиков представляется не столь очевидным. По аналогии с Великой французской революцией, знавшей периоды подъёма и упадка, определимся: Октябрь 1917 г. — это восходящий или нисходящий поток в революции? Можно ли его считать Термидором или даже контрреволюцией относительно Февраля?

Большевики необходимость цивилизационного скачка России трансформируют в формационное русло. С одной стороны, их позиция близка полупатриархальным слоям населения, не принимавшим ценностей индивидуалистического общества. С другой стороны, платформа большевиков — и этого нельзя отрицать — отражала и определённые, пусть и туниковые, достижения общественной мысли того времени. Хорошо известно, что XX век начинался под знаком социализма, люди жаждали более справедливого общества, а о необходимости планирования рассуждали и в предпринимательских, и в научных кругах (например, Г. Форд).

То, что большевики хотели «как лучше», очевидный факт. Но очевидно и другое. Проблема равенства может быть разрешена лишь исторически, шаг за шагом, в известном смысле она вечна. Сделав на ней акцент в своих программных документах и лозунгах, большевики преследовали вполне прагматическую цель захвата и удержания власти. Поэтому октябрьский переворот — шаг назад. Большевистская диктатура уничтожила возможность движения в сторону демократии.

Октябрь 1917 г. прежде всего означал разрыв с Февралём по этой линии. В данном смысле прав был А. Н. Яковлев, считавший октябрьский переворот контрреволюцией, положившей начало созданию тоталитарного государства. Не находя для себя в рамках либерально-парламентского эволюционного пути достойной властной ниши, большевики явочным порядком, насилиственно сместили кабинет министров и самозванно объявили себя народным правительством. Зачем требовалось

¹ См.: Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания. Круглый стол в ИРИ РАН 30 октября 2007 г. // Отечественная история. — 2008. — № 6. — С. 168.

вооружённое восстание, с которым так торопил Ленин? Ведь был назначен на 25 октября II Всероссийский съезд Советов. Принимая в расчёт, что уже в сентябре 1917 г. 126 местных Советов высказывались за передачу им всей полноты власти, на этом съезде можно было легализовать переход власти к Советам мирным путём, однако Ленин решил действовать немедленно, не дожидааясь съезда. Почему? Потому что, даже имея перевес в ряде Советов, большевики не могли рассчитывать на то, что съезд поручит им формирование правительства.

Совершенствовать демократию, бороться за общественный прогресс легально, парламентскими методами можно было в условиях абсолютной свободы уже с февраля. Для чего же потребовалось раскачивание государственной лодки? Очевидный ответ: ради узурпации власти. Правда, выиграв тактически, большевики проиграли стратегически, оказавшись, по существу, заложниками прежних решений и лозунгов. Ибо собственно созиданием коммунизма большевики не занимались никогда. В лучшем случае коммунизм все годы советской власти оставался ничем не подкреплённым идеалом. Поэтому можно сказать, что Октябрь 1917 г. — первый шаг, первая ступень на пути к разрушению советской системы. Советская система погибла от несвободы. Только в условиях свободы мысли и действия возможны реальные корректировки курса социально-политического развития страны. Если бы Октябрь наследовал Февралю в этом плане, то, возможно, судьба советского эксперимента была бы иной.

По мнению В. Булдакова, наиболее продуктивно было бы рассматривать революцию и её последствия как попытку материализации мировой утопии, которая соединилась с российской «этатистско-бунтарской» традицией. Вследствие мировой войны в России возникли условия «соперничающих невозможностей»: кто-то мечтал о «чистой» демократии, кто-то — о «республике с хорошим царём». При этом совершенно непомерные надежды возлагались на Учредительное собрание. Однако разгул охлократии породил псевдосоциалистическую вакханалию в умах масс, которая и стала «движущей силой» синергетического процесса.

Из того факта, что в Учредительном собрании абсолютно преобладали социалисты, не следует, что народ сделал «социалистический выбор». В то время, когда большевики мечтали о мировой революции, народ думал совсем о другом: рабочие хотели установить свои порядки на предприятиях, крестьяне требовали земли, народы России мечтали изолироваться от имперского центра. Но главное — все социальные слои хотели покончить с войной до такой степени, что готовы были поддержать любую власть, обещавшую мир.

По мнению Льва Протасова, в иерархии причин — объективных и субъективных, долгосрочных и сиюминутных, структурных и случайных, — обусловивших Октябрь именно как национальную катастрофу (а не прорыв в царство социальной справедливости), ведущее место заняла Первая мировая война,

заставшая Россию в состоянии исторического транзита, неустойчивого социального равновесия. Хотя и нельзя сказать, что Россия перед Первой мировой войной процветала, но она вполне динамично развивалась, модернизировалась, в том числе и в политическом плане. Внесистемные партии теряли своё влияние, находились в стадии идеиного и организационного разброда. Парламентаризм делал явные успехи, и такие партии, как кадеты, да и меньшевики, всё более становились парламентскими. Вместе с тем в социально-экономической сфере сохранялись вопиющие противоречия и деформации, которые и сдентонировали социальные потрясения такого размаха. Согласно этой точке зрения Октябрь явился катастрофической (в научном понимании термина) формой модернизации России, варварской формой прогресса с неоднозначными последствиями для нашей страны.

Учебное издание

*Серия «Учимся с «Просвещением».
«Просвещение» — учителю»*

Шестаков Владимир Алексеевич

**ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г.
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ**

Пособие для учителей общеобразовательных организаций

Центр гуманитарного образования

Редакция истории, обществознания и права

Зав. редакцией *Л. А. Соколова*

Редактор и ответственный за выпуск *О. С. Хлебников*

Художественный редактор *Е. В. Степанова*

Техническое редактирование

и компьютерная вёрстка *Е. В. Алфёровой*

Корректор *А. А. Бочарова*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01.
Подписано в печать 19.09.14. Формат 60×90¹/16. Бумага офсетная.

Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 0,0.

Тираж 0000 экз. Заказ № .

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение». 127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат детской литературы». ОАО «Издательство «Высшая школа».

170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, д. 46.

Тел.: +7(4822) 44-85-98. Факс: +7(4822) 44-61-51.